

Григорий Горин

«...Чума на оба ваши дома!»

Трагикомедия в двух частях

Посвящается моей жене Любе.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Бартоломео делла Скала – герцог Веронский.

Дом Монтекки:

Синьор Монтекки

Бенволио – племянник, друг покойного Ромео

Антонио – дальний родственник из Неаполя

Бальтазар – слуга Ромео

Дом Капулетти:

Синьор Капулетти

Синьора Капулетти

Валентин – брат покойного Тибальда

Розалина – племянница

Самсон – слуга Джорджи – негодник

Брат Лоренцо – францисканский монах, он же – Хор в прологе.

Горожане Вероны, музыканты, родственники и слуги обоих домов, солдаты.

Место действия – Верона, XIV век.

«...Возлюбленные были похоронены в одной и той же могиле. По этой причине Монтекки и Капулетти примирились, хотя мир этот длился недолго...»

«Ромео и Джульетта» Маттео Банделло (1480 – 1561)

ПРОЛОГ

Музыкальная увертюра.

Несколько молодых пар увлеченно фехтуют, затем, поразив друг друга, падают замертво.

Появляется Хор. Печально оглядывает лежащие тела.

Хор.

Нет зрелища азартнее на свете,

Чем зрелище борьбы Монтекки с Капулетти!

Звенят клинки! Кровь льется! Горы трупов!

И ненависть кипит! И смерть справляет праздник!

И кажется, никто уже не в силах.

Утешить боль и мертвых воскресить...

Один – театр!

Один он может все...

Театральный жест. «Убитые» оживают и с поклонами удаляются.

Почтеннейшая публика!

Для вас
Мы вспомнили старинную легенду,
Воспетую Банделло и Шекспиром,
(А, может быть, и кем-нибудь еще,
Но менее известным и забытым...)
Давно замечено: у истинных легенд
Нет окончаний, есть лишь продолженья:
Сюжет, наполненный чужим воображеньем,
Становится правдив, как документ!...
(Достаёт старую рукописную книгу)
И нам попался этот манускрипт,
Где та история изложена подробно,
Поскольку и записана она
Со слов монаха, очевидца тех событий
По имени Лоренцо... францисканца...
Здесь на гравюре он изображен...
(показывает)
Наверно, вам не видно?...
Попытаюсь
Сейчас его поближе показать...
(Быстро накидывает плащ с капюшоном).
Вот он таков примерно...
Францисканец!
Тот самый, что влюбленных повенчал Тайком...
И погубил их ненароком...
А, впрочем, «Бог нам всем судья!»
(Так пишет он) – «Хотел я лишь добра им»
(Так пишет он), и дальше излагает
Событий... судебных... фактов целый ряд
Доселе совершенно не известных,
Но, как нам показалось, – интересных!...
Итак, начнем!
Но мы начнем с конца...
Со слов, что все мы с детства заучили,
Которые сам Герцог на могиле
Сказал вослед двум любящим сердцам:
«Нет повести печальнее на свете,
Чем повесть о Ромео и Джульетте»... -

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Картина первая

Звучит печальная музыка.

На сцену выплывают два гроба. За ними в траурной процессии появляются представители домов Монтеки и Капулетти.

Монах Лоренцо негромко читает молитву по-латыни. Вместе со своей свитой входит Герцог.

Герцог.

«Нет повести печальнее на свете, Чем повесть о...»

(Неожиданно сбился, утирает слезы, пытается продолжить с пафосом)

«Нам грустный мир приносит дня светило -
Лик прячет с горя в облаках густых!...»

(Вновь сбился)

Слова... Слова... Я так устал от слов...
Их небо и земля не в силах слушать,
А люди неспособны понимать!...
К ушам живых пробиться невозможно, -
Лишь с мертвыми достойно говорить!

(Обращаясь к гробам)

Прости вас Бог, о юные созданья!...
А вы простите нас, тех, кто взрослей,
И, значит, быть должны мудрее и терпимей,
Но предпочтивших глупость и раздор!
Отцов простите ваших, матерей,
Состарившихся братьев и сестричек...
Они живут! И страсти их кипят!
Но в тот костер, что согревает страсти,
Они послали почему-то вас...
И герцога Вероны, что поставлен
Над всеми, чтоб порядок и закон
Царил здесь, я молю простить!
Поскольку
Порядка нет... закон не соблюдают...
Но герцог ваш не умер от стыда!...

(Неожиданно резко меняет тон, обращаясь к траурной процессии.)

А теперь несколько слов вам, достопочтенные семьи Монтекки и Капулетти! Мертвые не отвечают, живые не слушают. Вы – посредине! Еще не умерли, уже – не живете! Ибо существование, отравленное ненавистью, не есть жизнь! Я должен бы выслать вас всех из Вероны, но не могу взять на себя грех перед другими городами Италии! В последний раз, над телами двух безвинных детей буду просить... (Опускается на колени). Мой возраст старше. Мой род – именитей! Но я смиренно молю вас: забудьте прошлые обиды и в «знак мира и согласия пожмите друг другу руки! Синьор Капулетти... Синьор Монтекки!

Капулетти. Ваше высочество, я, собственно, никогда и не отказывался... Моя жена – синьора Капулетти, тоже!... И если синьор и синьора Монтекки согласны, мы бы могли показать пример другим парам... Герцог. Вы, Монтекки?

Монтекки *(мрачно)*. Ваше высочество... К сожалению, моя супруга, синьора Монтекки, не выдержав случившегося, вчера ночью скончалась... Так что парная симметрия, о которой так размышлялся достопочтенный синьор Капулетти, вряд ли возможна...

Синьора Капулетти. Примите наши соболезнования, синьор Монтекки! Но должна отметить, что даже такую печальную новость вы умудрились сообщить со свойственной вам желчной иронией!

Монтекки. Моя ирония, достопочтенная синьора Капулетти, отступает перед вашей чудовищной способностью обижаться!

Капулетти. Я бы просил вас, синьор, разговаривать с моей женой учтивей! Какой пример вы подаете молодым?

Монтекки. Меня всегда поражала ваша страсть искать «примеры», достопочтенный Капулетти! У вас в роду случайно не было портных?

Капулетти. Да как вы смеете?! Герцог (*устало*). Синьор Монтекки, я же просил... Монтекки. Уверю вас, ваше высочество, я никого и не хотел обидеть... Что ж здесь дурного, если в роду и были портные? Иисус Христос из рода плотников – и не стеснялся! А что касается молодых Монтекки, то, я думаю, у них свои головы на плечах! Они сами выберут примеры для подражания. (*Бенволио*). Не правда ли, племянник?

Бенволио. Разумеется, дядя... И если его высочество Герцог прикажет, я пожму руку любому из Капулетти!... Монтекки (*одобрительно*). Вот видите... Бенволио. Тем более, что после гибели благородного Тибальда там драться уже, в общем-то, и не с кем! Монтекки. Логично.

Валентин (*выбежал вперед*). Это – оскорбление, синьор! Я – брат покойного Тибальда, и готов немедленно принять ваш вызов!

Бенволио (*снисходительно*). Лучше протяни руку, мальчик, а то придется протянуть ножки!

Валентин. Защищайтесь! (*Выхватил шпагу, бросился к Бенволио*).

Герцог (*решительно встал*). Молчать!... Всем замолчать! Какой позор! Над мертвыми размахивать клинками! И эти люди говорят о благородстве, о чести и достоинстве домов?! Стыдились бы хоть горожан и слуг! Простые неиспорченные люди, уверен я, умней своих господ. (*Обращаясь к Бальтазару*). Ты, Бальтазар, ты был слугой Ромео... И в память о хозяине своем пойдешь, дружок, и сделай первый шаг... Бальтазар. Куда, ваше высочество? Герцог. К противнику. Вот хоть к слуге Джульетты... Бальтазар. К Самсону что ль?... Да, Господи! Кто ж против?! Самсон, ты не возражаешь, если я к тебе шаг сделаю?! Самсон (*равнодушно*). Шагай, милый! Чем скорее подойдешь, тем скорее по шее и получишь!

Слуги захихикали.

Бальтазар. Грубый ты, Самсон!

Самсон. Почему? Господа прикажут, так я с тобой, Бальтазар, и целоваться буду!

Бальтазар. Вот и молодец! Тогда я первым шаг делаю, а ты первым начнешь целовать, ладно?

Самсон. Почему это я должен первым целовать?

Бальтазар. А ты, Самсон, ростом ниже! Губами сразу мне в нужное место и попадешь!...

Слуги и горожане захохотали.

Герцог (*солдатам, указав на Бальтазара и Самсона*). Арестовать! И заковать в железо!

Солдаты набросились на слуг, скрутили им руки.

И посадить в тюрьму! Да в одиночку! Да! В одиночку посадить двоих! И там держать их до тех пор, пока они не научатся шутить, как подобает!

Солдаты грубо уводят упирающихся слуг.

Все!

Досточтимые Монтекки – Капулетти!

Я понял: голос разума для вас -

Лишь ветра шум... жужжанье комара...

Вы признаете силу и приказы!

Ну, что ж, пока я герцог здесь, в Вероне,

Я силою заставлю вас любить

Друг друга!

Я ВАС СДЕЛАЮ РОДНЕЙ!

Вам мысль моя ясна?

Монтекки. Пока не очень...

Герцог (*с усмешкой*).

Ну, как же это? Видите, мой друг,
Какой вы тугодум в вопросах мира?
Итак, достопочтенные синьоры,
Через неделю в городе Верона
В старинном нашем герцогском дворце
Я НАЗНАЧАЮ СВАДЬБУ ДВУХ СЕМЕЙ!
Монтекки пусть подыщут жениха!
Пусть Капулетти подберут невесту!
И за огромным свадебным столом
Я две семьи соединю в одну,
Навечно прекратив вражду и распри!...
А если, господа, и в этот раз...
Дерзнете вы уйти от примиренья,
Вас ждет другой «дворец», где ваши слуги
Уже сидят и отгоняют крыс!
На этом все!
Аминь!
И всем молчать!!
Лишь вас, достопочтенный брат Лоренцо,
Прошу молитвою оплакать молодых
И перед Богом попросить прощенья
За недостойных нас...

Лоренцо читает молитву. Траурная музыка.

Картина вторая

Дом Монтекки.

Синьор Монтекки, Бенволио, несколько родственников и родственниц, дети.

Монтекки...Итак, Монтекки, я собрал семью, чтоб обсудить, как водится меж нами, проблемы дома, Герцога приказ и все, что может обесчестить нас!

Любое мнение мне ценно, любая мысль – на пользу, если это мысль, а не побочное выделение организма. Ничего не навязываю, подчиняюсь общему решению. Начнем с молодых! (Подходит к ребенку). Что будем делать, мальчик: жениться или нет?

Мальчик. Нет!

Монтекки. Логично. Хотя ты бы мог и согласиться, тебе это мало чем грозило. (Подростку.) Ты, Джузеппе?

Подросток. Предпочитаю смерть бесчестью!

Монтекки (всем). Я специально начал с самых юных, чтобы все глупости были высказаны сразу. В дальнейшем просил, бы к ним не возвращаться. Смерть – наш проигрыш, семья Капулетти и так уже многочисленней нас. Тюрьма – тоже проигрыш. Где выход, Бенволио?

Бенволио. Пока не знаю, но попробую рассуждать вслух: не подчиниться приказу Герцога – значит нарушить дворянскую присягу. Жениться на Капулетти – покрыть себя позором. Безвыходная ситуация? Но вы, синьор, всегда нас учили, что безвыходных ситуаций не бывает...

Монтекки. Логично. Что предлагаешь?

Бенволио. Не терять время и выслушать вас, синьор. Вы наверняка уже придумали!

Монтекки. Молодец, Бенволио! Ты нашел правильное решение, но в следующий раз старайся льстить более тонко... (Ко всем). Итак... Ослушавшись Герцога, мы попадаем в опалу и

тем самым даем фору Капулетти. Это не в интересах Монтеки! Монтеки не уклоняются от судьбы. Если бой неизбежен – повали больше врагов! Если свадьба необходима – положи на лопатки всю семью противника!! (*Шум*). Не возбуждайтесь, я выражаюсь фигурально... Монтеки красивы, но и среди них есть уроды, Монтеки – благородны, но, если поискать, найдутся мошенники и негодяи... Короче, надо всем пошевелить мозгами и вспомнить родственников в разных городах. Уверяю, отыщется кто-нибудь, кого не жалко...

Пауза.

1-й родственник. Может быть, дедушка Винченцо из Мантуи?

Монтеки. Хорошая мысль. Но уж чересчур стар... Не дойдет до свадебного ложа.

2-й родственник. А если взять карлика Филиппо, того, что живет в Милане?

Монтеки. Карлик – Монтеки? Такого не может быть...

2-й родственник. Я сам видел его афишу в цирке... «Под куполом – карлик Монтеки».

Монтеки (*строго*). Не может быть! Это псевдоним! Происки врагов! Запомните все: в роду Монтеки не было ни карликов, ни мавров, никаких других отклонений!... А этого Филиппо предупредите, что если он немедленно не сменит фамилию, то вскоре свалится из-под купола и разобьется!...

Бенволио. А что если позвать Антонио из Неаполя?

Монтеки. Не помню такого...

2-й родственник. Зато я помню... Он взял у меня когда-то в долг сто дукатов, до сих пор не прислал...

Бенволио. Но он сейчас здесь... в Вероне.

2-й родственник. Видел... Не отдает!

Монтеки. Это характеризует его с нужной нам стороны. А каков он внешне?

2-й родственник. Похож на черта... Я знаю его с детства. У нас в Неаполе было два Антонио: «Хромой Антонио» и «Косой Антонио»...

Монтеки (*нетерпеливо*). Этот – какой?

2-й родственник. Этот, по-моему, «Косой Антонио»... Но потом он, правда, тоже повредил ногу...

Монтеки. Его шансы повышаются. Он женат?

Бенволио. Вдовец.

2-й родственник. Говорят, его жена отравилась...

1-й родственник. Но где-то есть сын. Говорят, симпатичный мальчик.

Монтеки. Значит, сын не подходит. А папаша – вполне достойный кандидат. (*Бенволио*). Так ты говоришь, он сейчас в Вероне?

Бенволио. Да. Приехал по торговым делам, но проигрался в пух и прах в кости!

Монтеки. Ах, он еще и игрок?! Тогда этот человек, может быть, действительно способен осчастливить Капулетти? Найди его, Бенволио, и пригласи ко мне...

Бенволио. Я уже это сделал, дядя. Он ждет в прихожей...

Монтеки (*внимательно посмотрев на Бенволио*). Ты удивительно разумный юноша, Бенволио! После моей смерти ты будешь достоин возглавить семью... Но, предупреждаю, умру я не скоро!! А теперь ступай и пригласи Антонио. (*Всем*). И вы все ступайте! Разговор, судя по всему, будет нелегким...

Все уходит. Монтеки подходит к портрету Ромео, обрамленного черными лентами.

Мой бедный сын, мой доблестный Ромео! Как больно, что покинул ты семью! Ты лучше всех был, благородней всех... Не скоро мы найдем тебе замену! Вот мать, счастливица, ушла вслед за тобой, а мне остались лишь заботы да тревоги... Замолви перед Господом словцо за старого отца, за всех Монтеки. (*Тихо молится*).

Бенволио вводит Антонио. У того вид довольно потрепанный, на щеках щетина, в глазах нездоровый блеск жажды похмелья.

Антонио (*громко*). Добрый день, синьор Монтекки!

Монтекки не отвечает.

Бенволио (*шепотом Антонио*). При чем тут «добрый день»? В доме траур.

Антонио (*спохватившись*). Ах, да... (*Решительно идет к Монтекки, бухается на колени*). Примите соблезнования, дядя! И ваши глубочайшие страдания по поводу безвременной кончины позвольте хоть частично разделить! (*Плачет, пытается поцеловать руку Монтекки, тот брезгливо отстраняется*).

Монтекки. Не позволю, дружок! Те, кто хотели разделить горе, были на похоронах, а тебя я там что-то не заметил.

Антонио. Я скорбел в одиночестве. Только так я могу дать волю чувствам. И потом, у меня нет приличного черного костюма, дядя.

Монтекки (*разглядывая его*). А почему ж у тебя нет приличного костюма, дружок?

Антонио. Ограбили. Дорогой ограбили разбойники, дядя. Раздели до нитки...

Монтекки. И при этом, я вижу, еще и напоили вином?

Антонио (*не замечает иронии*). «Граппой». Глумились, и заставили выпить огромную бутылку виноградной водки!... Два дня не могу придти в себя от мучений... Смертельная жажда... В груди – горит. А вообще я не пью, дядя.

Монтекки. Не называй меня дядей, дружок, пока я не разберусь, кто ты? Ты – кто?

Антонио. Я – Антонио Неапольский из семьи Монтекки... По двум линиям. По отцовской – я из южных Монтекки, которые пришли с Сицилии, а по материнской – совсем близкая родня. Роднее не бывает... Троюродные сестры – мать моя и супруга ваша, светлая им память обеим... Очень они любили друг дружку в детстве...

Монтекки (*задумчиво*). И обе сейчас не могут это подтвердить... Ладно. Будем считать, что поверил. (*Протянул руку*). Здравствуй, племянник!

Антонио. Здравствуйте, дядя! (*Целует руку*).

Монтекки. И чем же вызван твой приезд в Верону, племянник?

Антонио. Соскучился! То есть, я здесь впервые, но много слышан и даже часто видел город во сне... Река Адидже, что величаво несет свои прозрачные воды... Кружевные мосты... Знаменитый костел... Я очень тосковал по Вероне. Кроме того, я знал, что здесь много нас, Монтекки, а мы, как никто, славимся гостеприимством...

Монтекки. Короче, тебе нужны деньги?

Антонио (*с обезоруживающей прямоотой*). Да.

Монтекки. Денег я тебе не дам.

Антонио. Я это сразу понял, дядя.

Монтекки. Но я могу помочь тебе исправить твою беспутную жизнь. Ты хочешь жениться?

Антонио. Нет.

Монтекки. Почему?

Антонио. Я был женат, дядя. Но, видно, я не создан для семейного счастья – обе жены мои умерли... Цыганка мне нагадала, что в третьей семейной жизни умру я.

Монтекки. В твоём положении быть суеверным – слишком большая роскошь. За невестой дадут хорошее приданое.

Антонио. Сколько?

Монтекки. Думаю... тысяч пятьдесят!

Пауза.

Антонио. С Капулетти, я думаю, можно содрать и побольше...

Пауза.

Монтекки. Ты подслушивал, негодяй?

Антонио. Я бы мог сказать: «О, нет!», но я слишком ценю ваше время, дорогой дядя... Вы разговаривали довольно громко, а затыкать уши не в моих правилах... Итак, вы решили насолить Капулетти! Что ж, я готов послужить интересам семьи! Но пятидесяти тысяч мало, когда рискуешь жизнью...

Монтекки. Возможно, они дадут шестьдесят...

Антонио. Что они дадут, я выясню у них. Что дадите вы?

Монтекки. Ах ты, сукин сын!...

Антонио. Если враги дадут шестьдесят, то свои, я думаю, должны дать не меньше. Стыдно нам быть хуже Капулетти!

Монтекки. Скотина!

Антонио. И не ругайте меня, пожалуйста, дядя, – тем самым вы повышаете цену!

Монтекки (*Бенволио*). Где ты нашел это чудовище?

Бенволио. Он нам подходит?

Монтекки. Безусловно. Он лучше, вернее – хуже, чем можно было ожидать. И сколько бы это ни стоило, дело чести семьи Монтекки избавиться от этого субъекта! Благословляю тебя, племянник! (*Целует Антонио*). Какие комиссионные взял с тебя Бенволио?

Антонио. Спросите лучше у него, дорогой дядя...

Монтекки (*Бенволио и Антонио*). Оба – вон! Чтоб я вас не видел в такой день!

Бенволио и Антонио уходят. Монтекки вновь подходит к портрету Ромео.

Мой честный мальчик, как ты мог уйти?...

Живое сердце может ли снести

И боль, и ужас, и тоску попеременно,

Когда увидишь, кто пришел на смену?...

Молится.

Картина третья

Келья монастыря Лоренцо и перед ним Розалина, женщина лет двадцати.

Розалина... (*заканчивая исповедь*).

... Ну, вот, святой отец, и весь рассказ

Про прошлые грехи, ошибки и невзгоды...

В чем виновата я, а в Чем природа,

Не мне судить...

И умоляю вас

Скорее в монастырь помочь найти дорогу,

Чтобы остатки дней Я посвятила Богу!...

Лоренцо.

Да, дочь моя, печален твой рассказ...

И выбор твой, как верный францисканец,

Обязан я одобрить...

Но позволь

Как человеку, что тебе в отцы

Годится по годам, а не по званию,

Спасти от необдуманных шагов,

Предостеречь поспешное решенье!

Ты говоришь мне, что «остатки дней»
Готова провести в суровых стенах
Монастыря.
Но знаешь ли ты, дочь,
Что дней здесь мало? Здесь – сплошная ночь,
Заполненная нудною молитвой,
Слова которой иногда, как бритва,
У горла встанут!
И соблазн греха
Не исчезает с пеньем петуха...
Тут нет еды, есть лишь подобье пищи,
А келья узкая – не лучшее жилище
Для тех, кто любит танцы, и гостей...
И вкусный завтрак, поданный в постель...
Поверь! Когда уходишь от беды,
Отчаянье – не лучший поводырь!
Поэтому прошу тебя, подумай,
Сто раз отмерь...

Розалина (*резко перебивая*). Все отмерено, святой отец! Пора резать! (*Достает ножницы, срывает платок с головы, распускает волосы.*) Прошу!

Лоренцо (*строго*). Я – не цирюльник, Розалина! Есть монастырские правила. Пострижение возможно только после принятия обетов послушания, аскезы и безбрачия... Ты должна сменить мирское имя...

Розалина. Я согласна!... Меняйте! Можно, я стану Марией или Иоанной?!

Лоренцо (*удивленно*). Так спешишь, как будто за тобой гонятся...

Звук подъехавшей кареты.

Розалина. А разве нет?... (*Бросилась к окну*). Это – они! Я прошу вас, святой отец, не отдавайте меня им.

Лоренцо. Напрасно беспокоишься. Я знаю семью Капулетти много лет. Они чтут духовенство. И здесь, в этих стенах, ты находишься под защитой самого Франциска Асизского! Под защитой Бога, наконец!

Розалина (*в отчаянии*). Что ж они раньше меня не защитили?! (*Плача, принимает позу обороны, сжав ножницы, точно кинжал.*)

Входят синьор и синьора Капулетти в сопровождении нескольких молодых сородичей.

Синьор Капулетти. Так я и думал: она здесь... (*Делает жест молодым, те направляются к Розалине.*)

Розалина. Не подходите! (*Размахивает ножницами.*) Убью вас, убью себя! Именем Святого Франциска... всех убью!

Лоренцо. Это – грех, дочь моя... Нельзя с этим именем убивать. (*Вошедшим*). Достопочтенные Капулетти! Думаю, вам излишне напоминать, что всякий, кто здесь находится, пользуется покровительством монашеского ордена...

Синьора Капулетти. Святой отец! Ваш орден уже попытался покровительствовать моей дочери Джульетте! По этой причине нами пролито достаточно слез. Думаю, вам пора отмаливать тот грех, а не совершать новый... Розалина, немедленно возвращайся домой!

Розалина. Я – не Розалина. Я теперь – Мария... Скажите им, брат Лоренцо! (*В отчаянье отрезает себе несколько прядей*). Я – Мария!

Синьора Капулетти. Прекрати, дурочка. Не уродуй себя! Твоя внешность тебе еще пригодится... (Лоренцо). Вот она – человеческая неблагодарность, святой отец... Берешь бедную родственницу... Сиротку... Кормишь, растишь, одеваешь...

Розалина. И раздеваешь... для особо важных гостей! Что ж вы об этом не вспомнили, синьора?

Синьора Капулетти. Какая гадость!... Представляю, что она вам наговорила на исповеди, святой отец... Сколько лжи!

Лоренцо. Исповедь не для исповедника, синьора. Все слова произносят Богу, и только ОН отделяет зерна от плевел.

Синьора Капулетти. Но вы-то все слышите, и могли -бы хоть чуть-чуть делать поправки... Впрочем, думаю, и на святой исповеди эта выдумщица не все вам сказала... Не так ли, Розалина? (Розалина молчит). Конечно, не все... Видите, святой отец, исповедник для нас прежде всего мужчина, а женщина женщину способна понять и без слов... Поэтому, если бы вы оставили меня с моей племянницей наедине, мы бы быстро уладили эту неприятную ситуацию... (Лоренцо испытующе смотрит на Розалину.) Господи, не в язычество же я ее обращаю! Поговорим по родственному, а потом пусть хоть наголо стрижется... Верно, Мария?

Розалина молча кивает головой. Мужчины Капулетти и Лоренцо уходят.

... Итак, девочка, насколько я понимаю, ты у нас – пирожок с начинкой?... (Розалина молчит). И кто повар?

Розалина. Это вам лучше знать, синьора...

Синьора Капулетти. Неужели Джорджи? Или тот гость из Милана?... Впрочем, какая разница? Капелька мужчины в море женских слез. Разве отыщешь? Однако, что ж мы намерены делать?

Розалина. К лекарю больше не пойду... И снадобий ваших, синьора, глотать не стану!... Не надейтесь!

Синьора Капулетти. А кто тебя принуждает, глупенькая? Всему свое время. Как говорил мой дедушка-ювелир: время разбрасывать камни, время – вставлять их в оправу... Нас, Капулетти, и так слишком мало, чтоб мы убивали себя в зародыше! Однако, монастырь – не самое лучшее место акушерских манипуляций. Здесь холодно и сыро. Капулетти должны рождаться дома, на белых простынях, под счастливые стоны родни... Короче, я подумала, что тебя неплохо бы выдать замуж...

Розалина. Вы это сто раз уже обещали, синьора.

Синьора Капулетти. И, как видишь, от своих слов не отказываюсь... На этот раз все будет удачно. Надеюсь, ты слышала приказ Герцога? Так вот, первый шаг сделан: Монтекки нашли жениха...

Розалина. Ну, конечно! Я так и знала... Меня – этим вонючим козлам! Да еще с готовым ребеночком... Здорово придумано, синьора! Их – на посмешище, меня – с глаз долой! А вы подумали, что со мной сделает муженек, когда узнает, как его надули?!

Синьора Капулетти (*строго*). Не ори! Он все знает.

Розалина (*растерянно*). И что?...

Синьора Капулетти. Хочет с тобой познакомиться...

Розалина. Убогий совсем?

Синьора Капулетти. Я бы этого не сказала. Скорей наоборот. Очевидно, просто – благородный... Не тарашь глаза, и среди Монтекки такие встречаются. Кроме того, девочка, мы даем за тобой неплохое приданое...

Розалина (*растерянно*). Чего это вы так подобрали?

Синьора Капулетти. Надоело тратить на похороны и поминки. Хотим попробовать вложить капитал в молодую семью!

Розалина. Сомнения меня берут, синьора! Сомнения...

Синьора Капулетти. А вот на это времени нет! Жених за дверями, а ты бегаешь, как драная кошка... Смотри, на кого ты стала похожа с этой стрижкой. «Дева Мария!» Садись, я хоть приведу тебя в порядок! (Решительно усаживает Розалину, начинает ровнять ей волосы, пудрить нос.)

Розалина (*нервно размышляя*). Он симпатичный?

Синьора Капулетти. На мой вкус, вполне!

Розалина. Стройный?

Синьора Капулетти. Как кипарис. Но слегка хромает...

Розалина. Был ранен в бою?

Синьора Капулетти. Вероятно...

Розалина. На какой войне?...

Синьора Капулетти (*не выдержав*). Ты мне надоела с идиотскими вопросами! Лучше посмотри на себя! (*Сует ей под нос зеркало.*) На какую войну эта рожа может рассчитывать?! Только на «столетнюю»!!!

Розалина (*взбешенно*). Эта рожа, обожаемая синьора, нравилась довольно многим! Эту рожу вы приглашали на все балы и вечеринки! Так что Розалина – не уродина, и не залежалый протухший товар, которым торгуют ваши приказчики с африканцами...

Синьора Капулетти (*оглядываясь*). Тихо... Тихо...

Розалина. Предупреждаю: выйду за Монтекки, только если он мне понравится! В противном случае – стригусь в монахини!

Синьора Капулетти (*надвигаясь с ножницами в руке*). Я тебя сама постригу, мерзавка! Коротко! До плеч!...

С шумом открывается дверь Решительно входит Антонио. На нем темный нарядный камзол, шляпа, в руках – букет цветов.

Антонио. Добрый день, синьоры! Я решил войти на этой реплике. А то потом, боюсь, будет уже поздно... В этих монастырях чудовищная акустика: стоишь далеко, но все слышно... (*Розалине*). Разрешите представиться, синьорита: Антонио из Неаполя. Коммерсант. А что касается правой ноги, то часть ее, незначительную, потерял не на войне, как решила досточтимая синьора Капулетти, а в мирный период, во время кораблекрушения в Эгейском море, где ее защемило между двумя суднами, шедшими в разных направлениях... Прощу! (*Вручает цветы Розалине*).

Пауза.

Синьора Капулетти (*Розалине*). Что ж ты молчишь? Скажи что-нибудь синьору.

Розалина. Подслушивали, значит?

Антонио. Вам, синьорита, врать не хочу. Да!

Розалина. И не стыдно?

Антонио. Вам опять же скажу честно: нет! Я вообще лишен этого предрассудка. Не стыдно, синьорита, все, что от природы... А разве природа не требует знать все, что касается твоей судьбы?

Синьора Капулетти. Я пойду, пожалуй... Думаю, вы сговоритесь? Антонио. Надеюсь, синьора. Только ножницы, прошу, заберите... Наша беседа вряд ли приобретет такую остроту, чтоб они понадобились...

Синьора Капулетти выходит. Пауза, во время которой Розалина и Антонио разглядывают друг друга

Розалина (*со вздохом*). Не нравитесь вы мне!

Антонио. Благодарю за откровенность, синьорита. Замечу, что вы у меня тоже восторгов не вызываете. Хотя, честно говоря, от Капулетти я ожидал худшего... У вас все же фигурка ничего и

взгляд довольно осмысленный... Впрочем, попробуем вопрос «нравится – не нравится» перевести в иную плоскость. Скажите честно, вам нравится семья Монтеки, которую я имею честь представлять?

Розалина. Нет.

Антонио. Мне тоже. А семья Капулетти? Только честно...

Розалина. Ненавижу...

Антонио. Я так и думал... Таким образом, у нас есть исходная точка для совместных действий. Нелюбовь к ближнему – это то, что объединяет сердца. Наша малопочтенная родня придумала загнать нас с вами в ловушку, мы ответим ей тем же! Как опытный игрок в карты могу дать совет: если поняли, что оба ваших партнера блефуют, смело берите прикуп, там – два туза!... Короче, предлагаю не сердить Герцога, не спорить с родными, вступить в брак, сыграть веселую свадьбу на радость всему городу, затем быстро поделить приданое и уехать в свадебное путешествие!... Желательно в Новую Индию.

Розалина. Где это?

Антонио. Такая огромная земля за океаном. Она вообще еще и не открыта, но наши неаполитанцы уже всюю торгуют... Красивейший континент, синьора! Незаменим для новобрачных! Есть две половинки: Южная и Северная. Каждый из супругов выбирает свою, и лишний раз встретиться практически невозможно...

Пауза.

Розалина (*нерешительно*). А вы... вообще-то... вы знаете про меня?

Антонио. Что именно?

Розалина. Ну... про мое... положение?

Антонио. Ах... в этом смысле? (*Показал на живот*). Это ваше личное дело, синьорита... Извините, «синьора». У меня, кстати, тоже есть сын в Неаполе. И парочка близких приятельниц в разных городах, с которыми я и не собираюсь рвать связи. Вообще, сразу договоримся: интимная жизнь – это как раз то, что мы, став супругами, будем проводить совершенно независимо!

Розалина (*растерянно*). Как это?... Ну, в Индии – ладно. А здесь что люди скажут?

Антонио. Не понял... Какие люди?

Розалина. Родня... Вообще, город... Нехорошо!

Антонио. Мы же уедем.

Розалина. Сразу не уедешь. Пока свадьба, пока соберешься... Живот не спрячешь! Люди начнут месяцы считать... Смеяться станут.

Антонио. Надо мной, что ль?

Розалина. Какая разница? После свадьбы жена и муж – одно целое. Если муж – рогоносец, жена – блудница! Хоть на улицу не выходи...

Антонио. Господи, ну придумаем что-нибудь!

Розалина. Что?

Антонио. О, Розалина, как вы туго соображаете!. Если выйдете за меня замуж, придется шевелить мозгами побыстрей... «Что люди скажут?» Скажут то, что мы скажем. А мы скажем то, что они любят слушать: романтическую новеллу. О том, как я... случайно встретил вас... потерял голову... обольстил... А потом искал по всей Италии...

Розалина. Когда это было?

Антонио. Ну, это зависит от... сроков. Сколько, извините, сейчас... нашему мальчику?

Розалина. Месяца три с половиной.

Антонио (*задумавшись*). Сейчас – апрель... Стало быть, все произошло...март, февраль... Прекрасно! В канун праздника Рождества! В Венеции!

Розалина. Почему в Венеции?

Антонио. Потому что я был тогда в Венеции.

Розалина. А я тогда не была в Венеции...

Антонио. Но, в принципе, могли бы и быть. Здесь не так далеко... Вы, вообще-то, синьора, бывали в Венеции?

Розалина. Никогда.

Антонио. О, бедная!... Мерзавцы Капулетти! Венеция – особый город, синьора. В этом городе слепым нищим подают двойную милостыню, ибо жить в Италии и не видеть Венеции – самое большое несчастье!... Город, который весь состоит из воды, неба, стекол и зеркал... И все это отражается друг в друге! Поэтому там лодки плывут по небу, а облака стелются под каблуками... Мы обязательно с вами заедем в Венецию по дороге в Новую Индию. Там я вам покажу площадь Святого Марка... Кстати, именно на ней мы с вами и познакомились под Рождество... Площадь из белого камня... И белый собор! И я... весь в белом камзоле... вскочил из белого плетеного кресла, завидев вас... А потом мы пошли в таверну, выпили белого вина и направились в уютную гостиницу «Белый аист», славящуюся своим белым кружевным бельем... Ну как?!

Розалина (мрачно). Не нравится!

Антонио (*устало*). О, мадонна, почему?!

Розалина. Потому что я не была в Венеции. А с кем вы там шлялись по гостиницам, меня не интересует.

Антонио. Хорошо. Согласен на другой город. Какой?

Розалина. Мантуя.

Антонио. Предположим. И чего меня туда занесло под Рождество?

Розалина. Вас – не знаю. А меня повезла тетушка. Потому что туда приехал ее компаньон... Джорджи... И еще какие-то важные синьоры. Назначили бал-маскарад. И тетушка сказала, что я должна понравиться этому Джорджи... Он, дескать, и жениться обещал... А он пришел со своим приятелем из Милана... И они, сволочи, опоили меня какой-то дрянью, и я ничего уже не помнила, а они затащили меня в беседку, две волосатые сволочи... и я стала кричать... но начался фейерверк... и никто ничего не слышал... (*Плачет*).

Пауза.

Антонио. М-да. Ужасная история... Ну, и при чем тут я?

Розалина. Я хочу, чтоб это были вы.

Антонио (*испуганно*). Один из двух?

Розалина (*дает ему оплеуху, кричит*). Не было двух! Не было! Вы были – один... В белом костюме, или в каком хотите... Но один!... Пожалуйста! Если вы сами вызвались... Если такой благородный... Один! Умоляю!...

Антонио (*смущенно*). Да... Конечно... Только не плачьте, синьора. Мантуя так Мантуя... Хотя я всегда не любил этот скверный городишко, и, как выяснилось, не зря!... (*Достал из кармана флягу*). Не глотнуть ли нам по капельке «граппы», чтоб дух перевести? (*Выпивает. Затем протягивает флягу Розалине. Та, подумав, тоже выпивает.*) Ну, вот и умница. А теперь, когда вы выпили из моего бокала, вы можете угадывать мои мысли, синьора... А мысли мои о том, что надо нам с вами раз и навсегда забыть про Мантую, будь она проклята. Это – не та история, какую захочется когда-нибудь рассказывать внукам!

Розалина. А что рассказывать?

Антонио. У меня есть правило: когда не знаешь, как соврать, говори правду, – это очень озадачивает окружающих. Расскажем все как было... Три месяца назад у вас было скверное настроение... Вы приехали сюда... в монастырь Святого Франциска, к доброму монаху Лоренцо... Чтобы исповедаться, а может, и попроситься навек в монастырь. И тут же случайно оказался я – Антонио, коммерсант из Неаполя... У меня тоже настроение было не из лучших. Ибо, когда

торгуешь собственной судьбой, это не лучший вид коммерции. И вот мы случайно встретились... И нас потянуло друг к другу... Ведь потянуло, Розалина?

Розалина молча кивает. Они выпивают еще по глоточку. И я обнял вас, синьора... Нет, вы еще были синьориной... Я обнял вас, синьорина, и вам это не было противно... (Обнимает Розалину). И тут, как на грех – открылась дверь и вошла синьора Капулетти!... (Прислушался, затем громко повторил). Вошла синьора Капулетти!

Входит синьора Капулетти.

Вот!... Она вошла и, застав нас в любовных утехах, потребовала, чтоб я женился на ее племяннице. Что я, как честный человек, и обязан теперь сделать! (*Синьоре Капулетти*). Вас это устраивает, синьора?

Синьора Капулетти (*с усмешкой*). Вполне... Только не очень понятно, как я-то оказалась здесь, в монастыре?

Антонио (*заметив в ее руке ножницы*). А вы пришли постричься в монахини, синьора!... Надо же когда-то подумать и о душе?

Входит Лоренцо.

Розалина (*падает перед ним на колени*).

Прошу меня простить, святой отец!...

Лоренцо.

За что?

Розалина.

Недавно в монастырь просилась,
А ныне... отправляюсь под венец...

Лоренцо.

Что ж, дочь моя, смотри, что б не свершилась
Непоправимая ошибка в этот раз...

Антонио (*встает на колени рядом с Розалиной*).

Святой отец, благословите нас!...

Лоренцо (*внимательно смотрит ему в глаза*).

На что, сын мой? Я вас совсем не знаю...

Поверьте, неприязни не питаю,

Но и с приятнью не потороплюсь!

Я здесь благословлял уж двух влюбленных...

Теперь у их могилы исступленно

Лишь только горько каюсь и молюсь...

Уходит.

Картина четвертая

Городская площадь перед дворцом Герцога. Толпа горожан.

Бальтазар выкатывает бочонок вина.

Бальтазар (*кричит*). Эй, жители Вероны! Вас Монтекки всех с честью просят выпить, закусить в знак примирения с семьей Капулетти! Гуляй и пей во славу молодых! *С возгласами радости горожане подставляют кружки.*

Свой бочонок выкатывает Самсон.

Самсон (*кричит*). Эй, горожане! Капулетти всех вас потчуют вином в знак примирения с семьей Монтекки! Пей и веселись!

Снова возгласы радости.

Бальтазар. Самсон! О, Боже! Ты ли, мой дружочек?

Самсон. Я, Бальтазар! Я, солнышко мое! Как мы давно не виделись!

Целуются к изумлению горожан.

1-й горожанин. Смотри-ка! Целуются!

Горожанка. Соскучились...

2-й горожанин. С чего это «соскучились»?... Они из тюрьмы только три дня как вышли!

Бальтазар. Ну, как ты здесь, дружочек?

Самсон. Да бегаю все, солнышко, кручусь... По целым дням спины не разгибаю! А ночь покоя тоже не дарит... Тоскую о былой!

Бальтазар. Да, мой дружочек... Прошедших дней усладу не вернуть! И время, проведенное в тюрьме, уж каторга свободы не заменит!...

Вновь целуются.

1-й горожанин. Да это – не они. Не иначе, подменили!

2-й горожанин. Эй, Бальтазар! Самсон! Это вы или нет?... Чего это вы целуетесь? Или вам крысы в тюрьме кое-что поотгрызали?

Горожане смеются.

Бальтазар. Да это мы, Петручьо! Но – другие! Совместная темница нам дала иное понимание смысла жизни... А ты, дружочек, как был дерьмом, так и остался...

Самсон. Ты, Петручьо, козел вонючий, вот что я добавлю!

2-й горожанин (*удовлетворенно и без всякой обиды*). Они!... А то слышим, изъясняетесь как-то непонятно... с выкрутасами. Словно господа!...

Бальтазар. Так Герцог повелел! Он нам сказал, что будут нас в темнице держать, пока друг друга не полюбим. И не научимся изящно изъясняться...

Самсон. И элегантной шуткой ублажать!...

Бальтазар. Хотите услышать вы серенаду, что в заточенье сочинили мы?

Горожане. Хотим! Хотим!

Вооружившись мандолинами, Бальтазар и Самсон исполняют серенаду.

«За решеткой по небу гуляет луна...

Годы жизни проходят, как дым...

Бедный узник не спит! Ах, ему не до сна!

Его сердце разбито другим...

Чему положено, то пусть исполнится!...

Что суждено, того не миновать...

Ах, серенада, ты, как я, – невольница!

Хочу тебе свободу даровать!!

Если жажда томит – воду я отыщу!

Если голоден ты – дам поесть!

Но измену любви никогда не прощу!

Смоет кровь поруганную честь!

Чему положено, то пусть исполнится!...

Что суждено, того не миновать...

Ах, серенада, ты, как я, – невольница!

Хочу тебе свободу даровать!!

На прощанье, о друг мой, тебя попрошу:

Пусть не гаснет сердечный пожар.

Ведь под сердцем отныне наколкой ношу

Твое имя: «Самсон!» «Бальтазар!»
Чему положено, то пусть исполнится!...
Что суждено, того не миновать...
Ах, серенада, ты, как я, – невольница!
Хочу тебе свободу даровать!!

Аплодисменты. Горожане пьют, веселятся, танцуют.

Появляются родственники Монтеки– и Капулетти, среди них – Бенволио и Валентин.

Бенволио (одному из родственников Монтеки, презрительно указывая на толпу).

...Как беззаботно веселится чернь!
Один стакан вина – и все забыто!
И нет ни оскорбленных, ни убитых,
И наплевать, что даст грядущий день...

1-й родственник Монтеки.

Но вот идет задира Валентин!
Прошу, синьор, вас: будьте осторожны...
Он свой кинжал не убирает в ножны!
И к нам направился! При этом – не один!...

Валентин (подойдя к Бенволио).

Синьор Бенволио! Когда-то сгоряча
Я вам сказал, что вызов к поединку
Готов принять от вас! Бенволио.
Я это помню!

Валентин.

А я прошу забыть в день общей свадьбы!
И от меня не вызов, но клинок
Прошу принять, как символ примиренья,
В ответ отдав мне свой...

(протягивает кинжал).

Бенволио (нерешительно).

Что ж, я готов,

(протягивает свой кинжал).

Валентин (вспыхнув).

Я попросил бы!

Бенволио.

Что ж тут просить?
Вы попросили, я отдал немедля!...
Хотя и жалко! Но надеюсь я,
Что сохранят клинки любовь хозяев,
И острием их к нам не повернуть!

Валентин и Бенволио меняются кинжалами, расходятся.

Звуки фанфар. Появляется Герцог со свитой, синьор и синьора Капулетти, синьор Монтеки.

Герцог (обращаясь ко всем).

Счастливей день!
Его весь город ждал
Так много лет, бессмысленно страдая
От распрей и борьбы!...

Тем радостней итог
Указа моего!
Синьоры Капулетти,
И вас, Монтекки, я благодарю
За вовремя проявленную мудрость
И трезвость в понимании проблем...

(весело)

А, впрочем, трезвым быть сегодня всем
Довольно глупо!
Здесь я ставлю точку,
И предлагаю всем нам выпить по глоточку,
Не пропустив ни ту, ни эту бочку!

Под возгласы одобрения наливает в кружку из обеих бочек, выпивает и, сразу захмелев, меняет тон.

...И вот, главное, никто же и не помнит, когда это все началось!... Столько лет неприязни, ненависти, а спроси любого: в чем дело, он и не знает! А я вам скажу, никакой же разницы нет... Все – дети Божьи, и нельзя так сразу... *(Одному из горожан)*. Вот ты, например? Монтекки? Капулетти?

Горожанин. Я – не он. Не – он. Я – проездом. Из Иерусалима.

Герцог *(огорченно)*. Ты меня сбил. Но не важно... *(Всем)*. Пьем, веселимся все и отмечаем конец вражды, которой нет начала! *(Капулетти, с досадой указывая на горожанина)*. Он меня сбил!... О чем я?

Синьор Капулетти. Вы хотели объявить танец, ваше высочество. Танец – в качестве примера соединенья рук, доселе разъединенных враждой...

Герцог. Да... В качестве примера... *(Заметив, что синьор Капулетти протянул руку супруге)*. Нет, вам как раз нельзя. На танце у синьоры другой быть должен кавалер... *(Обернулся к Монтекки)*. Монтекки! Где вы? Вы же обещали...

Монтекки. И не отказываюсь! И не «в качестве примера», как любит выражаться синьор, а по зову души! Прошу! *(Протягивает руку синьоре Капулетти. Та, подумав мгновение, протягивает свою.)*

Общее ликование. Звучит музыка, все танцуют. Синьора Капулетти и синьор Монтекки танцуют на переднем плане.

Монтекки *(негромко)*. Сколько лет я не держал тебя за руку, Юлия?

Синьора Капулетти *(негромко)*. Не люблю считать года, Пьетрр... Но рука твоя погрубела с тех пор.

Монтекки. А твоя – совсем нет. Помню ее наощупь...

Синьора Капулетти. Спасибо. Ты был всегда галантен.

Монтекки. Но нерешителен. Был бы я порешительней тогда... в юности... Может быть, и наши дети были бы живы...

Синьора Капулетти. Это были бы другие дети, Пьетро. Ни о чем не надо жалеть. Они отлюбили за нас. Им можно позавидовать...

Монтекки. Я и завидую. До слез...

Синьора Капулетти. Ну... Держись, Пьетро! Улыбайся... На нас смотрят!

Музыка продолжается.

На передний план выходит Герцог, танцующий сразу с несколькими дамами из обоих семейств.

Герцог (*хмель путает его речь*). Это ж так приятно... Вот слева – одна семья, справа – другая... И все это – под рукой! И мы, как одно целое... Поверите, первый раз отдыхаю, как простой человек? Это ж наказание – быть правителем такого города! Все время ждешь подвоха! Все время – неприятности...

Среди танцующих появился Лоренцо.

Вот святой отец появился... Ну вот, что его принесло? Ведь примета есть: монаха встретишь – к беде...

Лоренцо (*подойдя к Герцогу*). Ваше высочество! У меня – важное известие!

Герцог (*в отчаянии*). Ну, что я говорил?! (*Дамам*). Танцуйте! Танцуйте!

Лоренцо о. Я думаю, имеет смысл позвать Монтекки и синьору Капулетти!

Герцог (*печально*). Ах, даже так? Ну, что же...Позовем... (*Громко всем*). Танцуйте все! И музыка – погромче! (*Сразу трезвеет, шепчет на ухо кому-то из своей свиты, тот спешит оповещать Монтекки и Капулетти*).

Танцы продолжаются на заднем плане. На переднем – Герцог, синьор и синьора Капулетти, Монтекки негромко ведут беседу, изредка прерываясь, чтобы приветствовать танцующих.

Лоренцо.

Глубокоцитимые синьоры! Вам известно,
Что нынче у святого алтаря
Я должен был прилюдно повенчать
Антонио и Розалину!
Благодарю вас за оказанную честь,
Но, избегая общего позора,
Спешу уведомить вас об отказе...

Герцог.

...Так! (*Веселящимся, нарочито небрежно*). Танцуйте! Танцуйте!

Лоренцо (*взволнованно продолжает*).

Я из Неаполя сегодня получил
Письмо... от францисканского монаха...
Его зовут Джованни. Брат Джованни!
Вы, может быть, и знаете его...

Монтекки (*нетерпеливо*). Да знаем, черт возьми! Что пишет он?

Герцог. Тихо! Тихо! (*приветливо машет рукой танцующим*). Танцуем все!

Лоренцо (*Монтекки*).

Не стоит черта поминать, синьор,
Не к месту! Он ведь рядом – враг хвостатый...
Так вот, в письме Джованни написал,
Что родственничек ваш, синьор Антонио
Женат!...

Монтекки.

И что? Он – дважды был женат!
И дважды стал вдовцом...

Лоренцо.

Нет, к сожаленью!...
Хотя, конечно, говорить так грех...
Но первую его жену... Роситу...
Монах Джованни повстречал недавно,
О чем в письме своем и сообщил...

Пауза.

Мой брат, Джованни – честный человек!

Поэтому так долго и подробно

Я говорил о нем...

Синьор Капулетти. Какой позор!!

Герцог (*машет рукой*). Танцуйте все! Танцуйте!

Синьор Капулетти. Какой пример безмерного коварства!

Монтекки (*взбешен*). Синьор! Я заклинаю! Помолчите!!!

Синьора Капулетти.

А почему он должен помолчать?

Не все ж вам говорить, синьор Монтекки!

Теперь мы знаем цену ваших слов...

Хотели нам подсунуть в женихи

Прожженного мошенника и плута?!

Хотели опозорить Капулетти?!

Бог не позволил!

Синьор Капулетти.

Дьявол не помог!

Монтекки.

Не стоит, право, вспоминать о Боге,

Синьора, вам... Ведь бог, ОН видит все...

И всех! И Розалину вашу видит!...

А, впрочем, люди тоже – не слепые!

Ведь то приданое, что у нее внутри,

Заметней с каждым днем!...

Герцог (*в отчаянии переходит на крик*). Какая низость!!! Молчите все!!!

От этого крика музыка стихает. Танцующие изумленно замерли.

(*Спокойнее*). Я ведь знал, что с этими людьми невозможно иметь дело... Зло не может перерасти в добро, оно способно лишь им притворяться! Господи, почему мне выпала тяжкая участь быть герцогом в Вероне? (*Солдатам*). Привести сюда Антонио и Розалину! Быстро!

Солдаты уходят.

Монтекки (*тихо*). Может, не стоит выяснять все прилюдно, ваше высочество?

Герцог. Стоит, дружок! Стоит!

Синьора Капулетти. Молодые могут быть еще не одеты, ваше высочество...

Герцог. Не страшно! Адам и Ева в час свершения греха предстали перед Господом нагими! (*Повышая голос*). И хватит меня уговаривать! Я не собираюсь больше покрывать никого!!

Прав был Меркуцио: «Чума! Чума на оба ваши дома!!»...

Солдаты вводят Антонио и Розалину.

Приветствую сердечно молодых!...

Нет! Не могу!

(*Сбился, повернулся к Лоренцо*).

Святой отец... Сами задайте вопрос. У меня и язык не поворачивается...

Лоренцо.

Приветствуем сердечно молодых!

Прошу простить за то, что помешали

Приготовленьям к предстоящей свадьбе...

Но, верность долгу сохраняя до конца,

Хочу спросить у вас, синьор Антонио:
Известно ль вам, какой тяжелый грех
Святая церковь видит в двоеженстве?...

Антонио.

Ну, разумеется...

Лоренцо.

Тогда ответьте нам,
Поклявшись на кресте: вы не женаты?

Антонио.

Святой отец, я дважды был женат,
И дважды овдовел, по воле рока...
Позвольте крест святой поцеловать?...

Лоренцо (*отшатнувшись*).

Не торопись, Антонио!...

Сын мой,

Нельзя с крестом шутить такие шутки!

Ответь мне лучше. Был ли ты женат

На женщине по имени... Росита?

Антонио.

Да, святой отец...

Лоренцо.

Обвенчан был ты с нею?

Антонио.

Да. Конечно.

Лоренцо.

Она жива?

Антонио.

В каком-то смысле... нет!

Герцог (*взорвавшись*). Да что ж он крутит? Ах, мошенник эдакий! Изволь отвечать ясно и четко: жива – не жива?! Я тебе сейчас голову оторву!

Антонио. Ваше высочество, я рад, что мы перешли на простой, понятный язык. Ситуация, действительно, сложная... И высокопарный стиль ее только запутает. По-человечески же все объяснимо... Да, я дважды женат. Первый раз – совсем молодым венчался с цыганкой по имени Росита. Девушкой темпераментной. Она и крестилась-то накануне венчания... Затем, быстро охладев ко мне, сбежала с молодым турком, перейдя в мусульманство и даже поменяв имя. Говорят, теперь ее зовут... Фарита... А може, как-то по-другому... Может, Цицилия, если сейчас она перешла в иудейство. Я повторяю: девушка – темпераментная. Таким образом, она как бы умерла для меня и святой церкви, хотя и живет довольно бурно сама по себе! Я рассказал об этом нашему священнику в Неаполе... Он писал в епископат! Надо мной сжалились, и дано было право венчаться вторично на христианке по имени Елена, светлая ей память... Она умерла, родив мне сына. Похоронена на юге. Сын живет у родственников... Могу во всем поклясться!

Пауза.

Лоренцо.

Не надо кляtv. И так тебе я верю,

Сын мой, но мой священный долг

Проверить все, что сказано тобою...

Нельзя мне вновь ошибку совершить...

И город наш не должен ошибиться,
Приняв подделку чью-то за алмаз...
Я тотчас напишу в епископат.
Надеюсь, быстро мне они ответят...
И, может, чрез некоторое время,
Вы обвенчаетесь...

Антонио.

Святой отец, вы же знаете, как работает наша почта... Вы уже посылали как-то письмо Ромео. Оно не дошло. И вот чем все закончилось... Погиб из-за недоразумения. Лоренц о. Я не могу иначе поступить. Синьора Капулетти. Как долго ждать придется нам ответа?

Лоренцо.

Возможно, месяц или два... иль три...
Я думаю, наш герцог разрешит
Отсрочить свадьбу... Молодым же людям
Полезно будет испытать судьбу,
И чувства ожиданием проверить...

Герцог. Обидно, конечно... Все готово. Праздник мог удалиться на славу, но... Святой отец прав. Как считаете, синьор Монтекки?

Монтекки. Логично. Мы, Монтекки, можем ждать долго... Могут ли ждать Капулетти?

Синьор Капулетти. При чем тут Капулетти?

Монтекки. Я хотел сказать, досточтимый синьор, что жених от ожидания только крепчает, как коньяк в бочке. А вот может ли ждать невеста? Если ответ затянется, скажем, месяцев на шесть, не явит ли она собой ненужный пример молодежи?!

Синьор Капулетти. Я ничего не понял.

Синьора Капулетти. Ничего удивительного, дорогой... Чтобы понять язвительную иронию синьора Монтекки, надо обладать достаточной мерой испорченности...

Герцог. Тогда я почему не понял?

Антонио. Я попробую объяснить, ваше высочество... Мой высокочтимый дядюшка прозрачно намекнул на то положение, в котором моя Розалина... (*Обнял Розалину за плечи*). Ну, что ты, глупенькая, что покраснела? Все бывает... Пора уже всем объяснить, чтоб избежать ненужных кривотолков... Вот видишь, как я вдруг заговорил?... (*Обращаясь ко всем*).

Да, граждане! Да, жители Вероны!

Прилюдно объявить сейчас могу
О том, что моя милая невеста
Уже таит в себе не первый месяц
Плод нашей жаркой, вспыхнувшей любви!...

Случилось это в праздник Рождества!

Я был неосмотрителен и пылок,
Но уж того, что было, не вернуть,
И я ни от чего не отрекаюсь!...

А тем, кто любит почесать язык
И сплетнями заполнить час досуга, -
Вот мой клинок! И я - к его услугам!...

Синьор Капулетти (*негромко*). Он благороден, этот ухажер...

Монтекки (*негромко*). Монтекки - все такие, мой синьор!

Антонио (*Лоренцо*).

Вот почему прошу, святой отец,

Ускорить свадьбу, чтобы наш ребенок
В грехе безбрачья жизнь не начинал...

(Неожиданно печально).

Мне смотрите в глаза, святой отец,

Вы недоверчиво...

Ужель и в этот раз

Мне не поверите?...

Лоренцо.

Давал не раз ты повод

Сомнению... И, слушая тебя, -

Хочу понять: что ты за человек?

Антонио.

Таков как есть! Не лучше и не хуже!

Лоренцо *(вздыхнув)*.

Ну, значит, и такой зачем-то Богу нужен!

(Всем громко)...

Он говорит вам правду! Я – свидетель!

Любовь их началась в монастыре,

Куда они на исповедь ходили...

И хоть грешно любить до брака людям,

Не станем их судить!

Да не судимы будем...

А что касается венчанья, – подождем,

Пока придет ответ епископата...

Простите, братья, сами виноваты,

Что повода для веры не даем...

Уходит.

Герцог *(со вздохом)*. Печально... Праздник закончился, не начавшись! Музыкантов прошу разойтись. Столы разобрать!... Не пить же с горя?... Достопочтенные Монтекки и Капулетти, надеюсь, что минуты согласия и дружбы, украсившие этот день, дали вам невыразимо сладостные ощущения преимущества добра перед злом... Пожелаю вам всем пронести это чувство через указанный срок... Э... *(махнул в отчаянии рукой)*. Опять – слова!

Уходит в сопровождении свиты.

Монтекки *(обращаясь к родственникам)*. Ну, что ж... Пойдем и мы! Эй, Бальтазар! Заткни-ка бочку поплотнее пробкой, пускай вино до срока постоит... *(Уходит)*.

Синьор Капулетти. И ты, Самсон! Вино не лей задаром!

Самсон. Не лить?... Могу не лить, синьор. Но все уж люди выпили до капли!

Синьора Капулетти. Куда же ты смотрел, болван? У Монтекки половина бочки осталась!

Самсон. Так разве у Монтекки вино, синьора? Как от этого уксуса у порядочных людей скулы не сводит?

Синьора Капулетти. Порядочные люди это вино не пьют!

Синьор и синьора Капулетти уходят.

Бальтазар *(Самсону)*. Что ты сказал, дружочек? Самсон. Правду сказал, солнышко... Бальтазар. Это у нас-то уксус?! Самсон. Сказал бы – моча, но боюсь обидеть! Бальтазар *(бросаясь в драку)*. Правильно боишься, Капулетьево отродье!

Бальтазар и Самсон дерутся, их пытается разнять Бенволио.

Бенволио. Эй, дураки, назад! Назад! *(Выхватил кинжал.)* Вот я вас проучу, мерзавцы!

К нему бросается Валентин.

Валентин. Синьор, вы обнажили свой клинок с угрозой против моего слуги! Я требую ответа!
Бенволио. Клинок не мой, а ваш, о юный друг! И я его хочу вернуть немедленно, поскольку туп он так же, как и вы! *(Швыряет ему кинжал).*

Валентин. Ах, вот как?! Что ж... Рискните наточить его в бою!

Бенволио и Валентин фехтуют. Их пытаются разнять.

Антонио *(разнимая)*. Кончайте, петухи! Бенволио, ну будь хоть ты умней.

Бенволио *(отталкивая Антонио)*. Отстаньте, сударь! Все из-за вас! И вашего вранья! И вашей размалеванной девицы, что подложили вам после других!

Антонио. Что ты сказал, подлец!... *(Хватает Бенволио за ворот камзола, тот, отбиваясь, ранит Антонио в плечо.)* Ну вот и кровь! Дурак!

Розалина *(бросается к Антонио)*. Жених мой, что с тобой?! *(Пытается перевязать ему руку)*. Уйдем отсюда!

Антонио. Нет, дорогая, подожди-ка!... Эта рана – не последняя! Перевязывать будем сразу!... *(Всем)*. Синьоры! Я не лез в ваши распри, поскольку жил далеко и мне было на все наплевать... Но теперь – здесь мое приданое, и моя капля крови на камнях Вероны! Мне за нее заплатят! Кто? Тот, кто еще раз скажет дурное слово о моей жене или ребенке. Вы слышите, ублюдки Монтекки и ублюдки Капулетти?

Возгласы негодования среди родственников двух семейств.

Бенволио. Негодяй, что он позволяет себе?

Валентин. Пора укоротить ему язык. Синьор Бенволио, заходите сзади!

Розалина. Не смей! Не подходите к нему! *(Выхватывает нож, становится спиной к спине с Антонио)*.

Антонио. Молодец, девочка! Прижмись ко мне покрепче! И приятно, и отступить некуда. Тыл в бою – главное!... Послушайте, ребята, мы вам – не мальчик с девочкой, которых легко угробить себе на развлечение... Мы повоюем и положим рядом столько, сколько к нам приблизится! «Чума на ваши оба дома!» Вот она – чума, перед вами! Побеспокойтесь о гробах!

Появляется Герцог со свитой.

Герцог *(с отчаяньем)*.

Опять?! Опять война и злоба?!

О, Сатана! Как он неутомим,

Как мерзки люди, связанные с ним!...

(Оглядывает собравшихся).

Кто начал в этот раз?

Кого опять изгоним?

И кто из вас тоскует по тюрьме?...

Вы? Вы?

(Антонио).

А может, вы, синьор?

Завравшийся жених! Кузнечик новобрачный!

По свадьбам прыгаете, точно по лугам,

Венчанье превращая в балаган...

(Поменяв тон, тихо). Я вам так скажу, Антонио, у вас был редкий шанс – изменить ход судьбы, войти во дворец истории героем... А вы не сумели войти даже в его переднюю, обделавшись на лестнице... Поэтому вы мне больше не интересны! Повелеваю немедленно исчезнуть из Вероны и не возвращаться, пока не запасетесь справками епископа, что вам можно не только венчаться, но и пожимать руку честным людям!... *(Розалине)*. Вас, синьора невеста, я

бы просил в дальнейшем соблюдать скромность и приличие, вести строгий образ жизни в ожидании суженого и хранить как самую большую ценность тот дар природы, который зреет у вас внутри... Это дитя – моя последняя надежда! В нем кровь двух проклятых домов соединились не для смерти, а для жизни. Поэтому я, Герцог Веронский, беру его под свое покровительство... *(Переходя на пафос)*.

Все слышали?! Под покровительство беру!

Родится мальчик? Быть ему Ромео!

А девочку – Джульеттой назовем...

В знак памяти любви непобежденной...

И быть ребенку – гордостью Вероны,

Приемным внуком Герцога ее,

Вам всем на зависть!... Внуки Сатаны!

Решительно поворачивается, уходит в сопровождении свиты.

Монтекки, Капулетти, слуги, горожане расходятся. На площади остаются только Антонио и Розалина.

Антонио. Не успел вселиться в город – уже изгнан! Нет, черт меня подери, я как-то умею разнообразить свою биографию... Знаешь, Розалина, из всех игр, в которых я набил руку, жизнь – самая азартная!

Розалина *(со вздохом)*. И самая невезучая!

Антонио. Неправда, моя девочка... *(Обнял ее)*. Я выиграл тебя, ты – внука Герцога. Разве это мало?

Розалина *(прижавшись к нему)*. Плевать мне на Герцога! Главное – это твое дитя, Антонио. Ты не откажешься?

Антонио. Теперь уж точно нет. Я при всех сказал!

Розалина. Ты – славный. Ты даже мне начинаешь нравиться... *(Целует его)*. Я тебе нравлюсь?

Антонио. Еще бы...

Розалина *(игриво)*. А что тебе хочется... Для полного счастья?...

Антонио. Не обидишься?

Розалина. Нет... Можешь не стесняться...

Антонио. Если совсем честно – поестъ бы хоть чего-нибудь!... С этой свадьбой дурацкой с утра маковой росинки во рту не было. Живот свело!

Розалина *(вскочив)*. Господи, как же я забыла? Жена называется... *(Подбирает брошенные горожанами корзинки с едой)*. Чертовы гости! Сами жрут, а новобрачные – живи поцелуйчиками... *(Приносит корзинку Антонио)*. Вот. Тут и хлеб, и сыр, и рыбка запеченная... *(Антонио набрасывается на еду)*. Кушай, муж мой! Кушай!. *(С нежностью смотрит на него)*. Когда мы заживем семьей, я тебе готовить стану... Знаешь, как я умею готовить?!

Антонио *(пережевывая)*. Представляю... Я как тебя увидел – сразу подумал: эта – умеет готовить!

Розалина. Ты только не бросай меня.

Антонио. Сказал же...

Розалина. Что бы ни случилось... Поклянись!

Антонио. Что еще может случиться?

Розалина. Мало ли... *(Нерешительно)*. Я думала: говорить – не говорить... Но ты – славный, и я не хочу, чтоб потом получилось, будто я от тебя что-то скрывала... В общем... Один из двоих – тех... в беседке... ну, помнишь, я рассказывала... из Милана которые... друг Джорджи... так вот... он – негр был!

Долгая пауза.

Антонио... *(довольно спокойно)*. Ну и что?... *(Пауза)*. Но, вообще-то, девочка, когда человек ест рыбу, такие вещи сообщать не обязательно...

На площади появляется Бальтазар, направляется к бочонку с вином.

Бальтазар *(Антонио)*. Вино-то я забыл в суматохе... Вовремя вспомнил.

Антонио. Очень вовремя, Бальтазар... И перед тем, как уносить бочонок, не хочешь его чуть-чуть облегчить?

Бальтазар. Конечно, синьор... Прошу! Угощайтесь! *(Наливает кружку Антонио, тот залпом выпивает.)* Ну, как... Нравится?... А бесчестный Самсон говорит, что это хуже мочи!

Антонио. Неправда! Поскольку мне почти постоянно приходится пить мочу, авторитетно заявляю: это – лучше! *(Вновь подставляет кружку)*.

Бальтазар *(со вздохом наполняя кружку)*. Разлучает нас с дружкой злая судьба... Ах, это так больно!... У вас ведь то же самое?...

Антонио *(задумчиво)*. Почти.

Бальтазар. Значит, вы меня понимаете?

Антонио. Как никто...

Они выпили. Бальтазар неожиданно запел, Антонио подхватил:

«Чему положено, то пусть исполнится!

Что суждено, того не миновать!

Ах, серенада, ты, как я, – невольница!

Хочу тебе свободу даровать!...»

Конец первой части. ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Монашеская келья.

Лоренцо складывает в специальную чашу еловые шишки, ветки можжевельника, сухую траву. Перед тем, как все это поджечь, подходит к столику, где разложены листки рукописи, обмакивает перо в баночку с чернилами, задумывается...

Лоренцо.

Любезные потомки!

В час, когда

Найдете пожелтевшие страницы

Трудов моих, молю вас их судить

Не строго, без презрительной усмешки...

Конечно, станете вы все мудрее нас,

Как мы мудрее Евы и Адама,

Но их грехи нас до сих пор гнетут,

А наши – в вашей жизни отзовутся...

Зачем такой круговорот судьбы?

Спросите у ТОГО, КЕМ ОН ЗАДУМАН...

Я лишь монах... И грамоте учен,

Чтобы событий круг был в повесть занесен...

Итак, продолжим!

Время не стоит...

Оно бежит с тех пор, как наш Антонио

Уехал из Вероны за решением Епископа...

Пять месяцев промчались.

И нет ни жениха... Ни писем... Ни вестей!...

А впрочем, вести есть... Но лучше бы не знать их.
Чума – в Италии! Простонародью, знати, -
Всем смерть грозит косою! Всех гонит по домам!
Закрылись города! Повсюду – карантин...
Ни праздников! Ни ярмарок!
Картина – Печальней не придумаешь...
Чума! Кто мог представить, что слова Меркуцио
Такой реальной правдой обернутся?!

Поджигает костер. Дым заполняет сцену.

Картина пятая

Зала в доме Капулетти. Дым.

Кашляя, чихая и чертыхаясь, Самсон обкуривает углы тлеющей вязанкой травы.

В дыму незамеченным возникает синьор Капулетти, громко чихает.

Самсон (*испуганно*). Ой! Кто здесь?! Это вы – синьор? А я вас не приметил...

Синьор Капулетти. Бездельник!... Почему дверь в доме открыта настежь? Любой бродяга может зайти!

Самсон. Где вы видели бродяг, синьор? Улицы пусты. (*Кашляет.*) А дверь открыл, чтоб дым хоть немного выветривался...

Синьор Капулетти. Вот и дурак! Весь смысл в том, чтоб не выветривался. Только так можно удить «пастуарелла пестис»... (*чихает*).

Самсон. Это кто, синьор?

Синьор Капулетти. Я тебе объяснял... Возбудитель заразы (*чихает*). По-латыни... (*чихает*).

Самсон. Я не силен в латыни, синьор... (*чихает*).

Синьор Капулетти. Что ты расчихался, дурак? Еще заразишь меня.

Самсон. Вы первый начали, синьор.

Синьор Капулетти. Да! (*чихает*). Но я чихаю благородно (*чихает*). В платок. А ты трясешь головой, как дятел, и «пастуарелла пестис» летят во все стороны...

Самсон. Господи, хоть бы раз увидеть их, этих мерзавцев! Руки-ноги поотрывал бы...

Синьор Капулетти. «Пастуарелла пестис» – такой маленький, что не виден (*чихает*). Но дым его убивает...

Самсон (*безнадёжно*). Тогда и Мне – конец! Я – виден, а дым не переносу! (*Пытается чихнуть, синьор Капулетти зажимает ему нос рукой.*)

Синьор Капулетти. Где синьора Розалина?

Самсон. Спит в своей комнатке.

Синьор Капулетти. Не ходи там и не чихай... А где синьора Капулетти?

Самсон. Уехала в город.

Синьор Капулетти. Как рискованно! Лицо-то она хоть прикрыла маской?

Самсон. Прикрыла, синьор... Такой Черной сеточкой...

Синьор Капулетти. Это – вуаль, она не защищает от «пастуарелла»... Безрассудство! Какой пример мы подаем слугам? Чума не любит, когда с ней шутят. Ты слышал, что творится в Мантуе?... Город полностью на карантине,... Никто не входит – не выходит... Птицы не вылетают! Вот Какой там кошмар! Понимаешь?

Самсон. Понимаю, синьор... Но осмелюсь спросить: если оттуда никто не выходит и не вылетает, как же люди узнают, что там – кошмар?!

Синьор Капулетти (*сердито*). Пошел вон, дурак! Совсем угорел... (*Самсон, почесываясь, направляется к выходу.*) Стой! Ты почему чешешься? Неужели блохи?

Самсон. Откуда, синьор?

Синьор Капулетти. Это я тебя спрашиваю, мерзавец, откуда блохи? Блохи – главные разносчики заразы!... Блохи – это... Опять чешешься?!!

Самсон (*чуть не плача*). Я чешусь, синьор, – от нервности! Вы говорите: блохи, блохи, мне и кажется, что кусают... (*Чешется.*) Вот, опять показалось... Не называйте их так...

Синьор Капулетти. А как и их должен называть...? «Анифтерия»?...

Самсон. Это еще что?

Синьор Капулетти. Латинское название блохи!

Самсон. Ой, мамочка! (*Неистово чешется.*) Я же просил...

Синьор Капулетти. Все! Хватит! Снимай одежду! Всю!

Самсон. Опять?!

Синьор Капулетти (*решительно*). Не разговаривать!... (*Помогает снимать рубаху.*) Стой! Это еще что? (*В ужасе*). «Бубон?!»

Самсон. Где?

Синьор Капулетти. На плече!

Самсон. Да какой же это «бубон»? Это я так... расчесал...

Синьор Капулетти (*в отчаянии*). «Бубон!»... В нашем доме!

Самсон. Помилуйте, синьор!... Зачем наговаривать? Что ж я, «бубонов» не видел, что ли?... Вон у Бальтазара под мышкой вот такая дуля выросла, это еще можно подумать... А у меня... (*осекся*).

Пауза.

Синьор Капулетти (*упавшим голосом*). Зачем ты лазил ему под мышку, идиот?

Самсон (*плачет*). Да не лазил я... Он сам меня обхватил... Ой! (*В испуге закрывает рот рукой, потом, не выдержав, громко чихает.*)

Синьор Капулетти (*решительно*). Так! Всю одежду – в огонь! Всю до ниточки... Раздевайся!

Самсон (*всхлипывает*). Это – последний камзол, синьор... Вы все пожгли!

Синьор Капулетти. Не разговаривать!! Снимай! И панталоны... И чулки... Догола! (*Самсон, хныча, обнажается.*) Повернись! Покажи спину! Еще повернись!

Входит синьор Монтеки, с изумлением наблюдает эту сцену.

Монтеки. Извините, если помешал...

Самсон (*увидев Монтеки*). О, синьор!... Пардон! Пардон! (*Прикрывшись одеждой, убегает.*)

Синьор Капулетти. Высокочитимый синьор Монтеки, как я рад!...

Монтеки. Да нет... Чего там... Вижу – не вовремя...

Синьор Капулетти. Да что вы говорите?... Это я – просто... Тут со слугой... Он у меня – такой...

Монтеки. Да у меня – такой же...! Но я с ним, лично, стараюсь строго! Ни-ни!...

Синьор Капулетти. Ах, как все глупо получается... Такой исторический день: синьор Монтеки впервые приходит в дом Капулетти, и – на тебе!

Монтеки. Я-то, вообще, собирался предупредить... Думал послать слугу Бальтазара... А потом гляжу – дверь настежь!

Синьор Капулетти. И правильно, что не послали слугу, синьор Монтеки!... Уж коли нам судьбой выпало породниться, пора дружить домами и приходите без церемоний... И прекрасно, что вы показали пример!... Да вы садитесь!... Ах, как жаль, что синьора Капулетти отлучилась, она была бы счастлива. Ну, сядьте, умоляю! (*Монтеки садится.*) А я сяду напротив (*садится*). Нет, пожалуй, придется встать! (*Монтеки садится.*) Сейчас состоится исторический акт, о котором мечтал наш город и наш Герцог...

Монтекки (*испуганно*). Синьор Капулетти, я просил бы...

Синьор Капулетти. Мы наконец-то пожмем друг другу руки!

Монтекки (*с облегчением*). Ах, в этом смысле...

Синьор Капулетти. Если вы, достопочтенный синьор Монтекки, не против, конечно.

Монтекки. Ну, а почему, собственно, против?... Договорились – так договорились!... Просто я долго сегодня был в городе... Руками деньги трогал, за карету хватался...

Синьор Капулетти. А мы предварительно – карболочкой!

Монтекки. Ну, если карболочкой, тогда – с наслаждением!...

Синьор Капулетти достает флакон с карболкой, бывшие противники протирают руки.

Синьор Капулетти (*торжественным тоном*). Синьор Монтекки! Я хотел бы вас приветствовать сегодня в этом доме, враждебность из которого ушла, сменившись на приязненность и дружбу... Я верю: в вашем доме, мой синьор, пример аналогичных изменений... А значит, мир – на оба наши дома! Порукой в этом вам – моя рука!

Монтекки и синьор Капулетти торжественно пожимают друг другу руки, вновь протирают их карболкой.

Наверное, надо бы выпить по бокалу вина.

Монтекки. Не стоит беспокоиться... Карболочкой отметили, и достаточно. (*Садится.*) Я, собственно, проезжая мимо, решил нанести визит синьоре Розалине. Все-таки она нам теперь тоже родня, и беременность в такой опасной ситуации внушает беспокойство... Как она себя чувствует?

Синьор Капулетти. Вполне нормально, синьор Монтекки... Моя жена окружила ее заботой... Везла к докторам.

Монтекки. Вот это меня и беспокоит! Ничто сегодня так здоровью не грозит, как доктора... Грязища у них в лечебницах, столпотворение: кто мертвый, кто живой – не разберешь...

Синьор Капулетти. Ах, что вы, синьор Монтекки? Мы к таким докторам не ходим... У наших докторов – чистота, ибо мы средств не жалеем...

Монтекки. Я и говорю, что готов нести свою долю затрат на лекарства, или там... на соответствующую амуницию для дитяти. Для нашего будущего Ромео...

Синьор Капулетти. Или Джульетты!

Монтекки. Какая разница? Я их двоих своими детьми считаю... (*вытирает слезы*).

Синьор Капулетти. Уж я-то как вас понимаю, любезнейший синьор Монтекки... (*всхлипывает*). Поэтому мы так бережно относимся к синьоре Розалине. Но другие лекарства ей нужны сейчас! Душевные... Уж срок, определенный природой, приближается к финалу, а известий от синьора Антонио нет и нет! Бедняжка Розалина очень страдает подобной неопределенностью. Не изменил ли синьор Антонио своему слову?

Монтекки (*решительно*). Никогда! Честнейший человек! Впрочем, как и все Монтекки...

Синьор Капулетти. Но мог бы хоть как-то письмо переслать...

Монтекки. Как, синьор Капулетти?! Карантин на карантине... Вы слышали уже, что в Мантуе творится? Муха не вылетит! Кошмар!

Синьор Капулетти. Кошмар!... (*Задумался.*) Кстати, синьор Монтекки, я давно мучаюсь вопросом: если из Мантуи никто не выходит, не вылетает, откуда мы знаем, что там кошмар?

Монтекки (*подумав*). Наверное, по крикам... Крикнут в Мантуе: «кошмар», а кто услышит, кричит дальше... Так и доходит до Вероны!... (*Пауза*). Ладно! Скажу все!... Синьор Капулетти, мы с вами пожали друг другу руки, как мужчины, как отцы двух уважаемых домов... Это – знак доверия! Но сможете ли вы сохранить тайну?

Синьор Капулетти. Разумеется...

Монтекки. И мужское хладнокровие?

Синьор Капулетти. Конечно. Да что случилось?

Монтекки. Племянник мой... Мой доблестный Антонио... скончался!

Синьор Капулетти (*кричит*). А-а!

Монтекки (*зажав ему рот*). Тихо! (*Взволнованно шепчет ему на ухо.*) Вы обещали хладнокровие, синьор!! Не смеем мы печальнейшим известием мать огорчить и будущность дитяти подвергнуть риску!... В городе и так уже разносится домыслы и слухи, которые дойдут в конце концов и до ушей несчастной Розалины!... Вот почему я прибыл к вам, синьор... Хочу синьору отвести в Тоскану... в поместье наше... там, среди гор в тиши... она родит... вдали от чумных бед и от дурных вестей... Надеюсь, вы согласны? (*Разжимает ему рот.*)

Синьор Капулетти (*жадно глотая воздух*). Вы меня чуть не задушили, синьор!

Монтекки. Прошу простить!... От волнения... Трудно было говорить, и я не хотел, чтоб меня перебивали вопросами... Итак, согласны?

Синьор Капулетти. С чем?... Я ничего не понял. Вы так набросились... (*чихает*).

Монтекки (*недовольно*). Не валяйте дурака, синьор! Я вам зажал рот, но не уши... Согласны позвать синьору Розалину и убедить ее переехать в наше поместье?... Там ей будет лучше! (*Капулетти чихает.*) Видите, я правду сказал.

Синьор Капулетти. Здесь ей тоже неплохо. И чихание – не обязательно подтверждение правоты!

Монтекки. Значит – подтверждение болезни. Тем более роженице опасно находиться в вашем доме...

Синьор Капулетти. Но я не могу сам решать такие вещи. Надо посоветоваться с синьорой Капулетти...

Монтекки. При чем тут синьора? Вы мужчина или нет? Глава или не глава? Не тяните время, синьор! Зовите Розалину!

Синьор Капулетти. Как? Прямо сейчас?

Монтекки. А что ж тянуть? Девятый месяц на исходе... Карета ждет внизу. Сопровождающие тоже... (*Хлопает в ладоши, в зале появляются Бенволио и пара вооруженных юношей.*) Вот!

Синьор Капулетти. Это – насилие! На помощь! Караул!

Монтекки (*надвигаясь на него с угрозой*). А ну, не орать, старый дурак! Второй раз могу зажать рот поплотней...

С шумом распахивается вторая дверь. В залу стремительно входят синьора Капулетти, Валентин и еще несколько вооруженных сородичей.

Синьора Капулетти. О, какая памятная встреча!... У нас – гости, да к тому же незваные!

Монтекки. Почему же незваные, синьора? Мы тут с вашим супругом помирились, и он сказал, что теперь Монтекки могут приходить в дом Капулетти без всяких церемоний! Вот мы и пришли!

Синьор Капулетти. Я совсем не это имел в виду! Какое коварство! (*Жене*). Синьор Монтекки явился к нам, чтоб сообщить печальную новость...

Синьора Капулетти. Я все знаю... Я была у Герцога. А до меня там уже побывал синьор Монтекки... И опечаленный Герцог так растрогался, что вызвался стать крестным нашего ребенка и наделить сиротку большими земельными угодьями из своих владений.

Синьор Капулетти. О! Теперь я понимаю цель вашего прихода, синьор Монтекки... И вашу трогательную заботу о Розалине. (*Жене*). Он хотел увести нашу девочку...

Синьора Капулетти. Еще бы! Синьор Монтекки опытный интриган. Он сразу смекнул, как выгодно стать опекуном крестника Герцога... А если потом выдать замуж Розалину за нужного человека, то вполне можно наложить лапу на замок Герцога, да и на самого крестного отца...

Монтекки. У вас все-таки удивительная способность, синьора Капулетти, приписывать собственные гадкие мысли другим!

Синьор Капулетти. Какая гнусность!... И этому человеку я пожимал руку!

Монтекки. Ничего! Карболочкой отмоете. А вот мозги вашей семейке хорошо бы почистить чем-нибудь покрепче...

Валентин (*Монтекки*). Синьор! Я не могу вам позволить подобным образом разговаривать с синьором и синьорой...

Бенволио (*Валентину*). А ты бы помолчал, мальчик, когда старшие беседуют.

Валентин (*Бенволио*). Ну вы-то, синьор, не настолько старше меня, чтоб нашим шпагам не поболтать!...

Обнажает шпагу, Бенволио в ответ обнажает свою.

Неожиданно в дверях появляется беременная Розалина.

Розалина (*с улыбкой*). О, сколько людей... А я лежу и ничего не слышу! Извините, синьоры, за мой вид... Надеюсь, через недельку я стану стройнее...

Синьора Капулетти. Зачем ты встала, Розалина? Тебе нужен покой!

Розалина. Ах, так надоело лежать, тетушка... Даже ребеночку – там внутри. Он вдруг толкнул меня в живот и повел в эту залу... А тут – гости! Да еще какие!., (*засмеялась*).

Монтекки (*улыбаясь*). Умный мальчик!

Синьора Капулетти. Или – умная девочка!

Монтекки. Да хоть двойня, нам – без разницы!... Синьора Розалина, я прибыл сюда, чтоб навестить вас и пожелать здоровья и терпения...

Розалина. Спасибо... А я, когда увидела вас, подумала, нет ли вестей от Антонио?

Монтекки. К сожалению... Кругом карантины, синьора... С Неаполем связи никакой. Но вам не стоит волноваться. Монтекки – здесь, в Вероне, и всегда к вашим услугам!

Синьора Капулетти. А Капулетти их уже оказывают... (*Берет Розалину под руку, пытается увести из залы.*) Пойдем, моя девочка, тебе опасно волноваться...

Монтекки. Синьора Розалина! (*Розалина останавливается.*) Я уверен, что здесь ваша родня вполне сносно заботится о вас, но если б вы вдруг захотели перебраться в наше имение, мы были б рады... Там горный воздух, опытная акушерка, открывшая дорогу к свету многим Монтекки... Там даже есть игрушки, которыми мы все играли в детстве... включая Антонио... Я подумал, может, вам было бы приятней в их окружении?...

Синьора Капулетти. Фи!... На какие струны вы давите, синьор?! При чем здесь игрушки? И при чем тут Антонио, в конце концов?

Монтекки (*зло*). Я что-то не понял ваших слов, синьора? Отец для ребенка – все, он дает ему фамилию!

Синьора Капулетти. Безусловно! Но, если уж мы тут все свои, давайте геворить правду и не преувеличивать роль Монтекки в возникновении этого ребеночка!

Монтекки. А вот это – дудки, синьора! Есть признание Антонио, есть свидетельство брата Лоренцо... Все документально!

Бенволио. Извините, синьора Капулетти, как брат и друг Антонио я решительно протестую против каких-то грязных намеков, и будь вы мужчиной, я бы потребовал...

Валентин (*выскочил со шпагой*). Здесь есть мужчины, синьор! И можете потребовать...

Бенволио. О! Как ты мне надоел, шенок!

Выхватил шпагу, бросился на Валентина. Звон клинков. Все безуспешно пытаются их разнять.

Розалина неожиданно кричит и встает животом между дерущимися. Те опускают шпаги.

Розалина. Что это?... Все снова... Неужели?! О, я все поняла... Последний раз, пять месяцев назад... Антонио, мой муж... своею кровью ваш бой остановил... И наступил покой!... И не дрались Монтеки с Капулетти! Теперь – опять!... Не значит ли все это, что... нет Антонио?! *(Кричит.)* Он умер?! Мой синьор! *(Падает перед Монтеки на колени.)* Скажите мне! Не мучайте меня! *(Истошно кричит.)*... А-А-А-А!

Общее замешательство.

Синьора Капулетти *(всем)*. Что ж вы стоите? Роды начались! Скорее акушерок... Воду... Марлю!... Да помогите же! *(Сбрасывает плащ, укладывает на нее Розалину, мужчины, в том числе и Монтеки, поднимают Розалину, несут к дверям.)*

Монтеки. И я пойду!... Я не помощник, право... Но постою хоть рядом...

Синьора Капулетти. Кто ж вам не дает?... Ты, Валентин, здесь на дверях останься!

Монтеки. Бенволио, останься рядом с ним...

Все, кроме Бенволио и Валентина, уходят, те остаются друг против друга несколько растерянные, с обнаженными шпагами.

Валентин. Синьор! Надеюсь, поединок сейчас наш... неуместен?

Бенволио. Безусловно!

Убирают шпаги.

Валентин. Потом продолжим, если захотите...

Бенволио. И если захотите вы, синьор... *(прислушивается.)* По-моему» там началось... *(Из-за дверей истошный крик.)*

Валентин. Ах, этот женский крик! Я так его боюсь... Страшнее для меня найти едва ли... *(Крик повторяется.)* *(Шепотом.)* Мне кажется, я в обморок свалюсь...

Бенволио *(подхватил его)*. Я буду вас держать, чтоб не упали...

Женский крик переходит в крик ребенка!

Валентин *(обнимает Бенволио)*. Вы слышите, Джульетта появилась!

Бенволио *(обнимает Валентина)*. Конечно слышу! Мальчик родился!

Открывается дверь, пошатываясь, выходит синьор Капулетти.

Синьор Капулетти. Де-воч-ка! Какое счастье! О, моя Джульетта! *(Плачет.)*

Пошатываясь, выходит Монтеки.

Монтеки. Девочка!... Но как похожа на мальчика... О, мой Ромео!

Совершенно обессиленная, с окровавленными руками появляется синьора Капулетти.

Синьора Капулетти. Бе-лень-кая! Девочка моя беленькая! Как белый цветочек! Как одуванчик в поле!... Спасибо тебе, Господи!

Бухается на колени, молится.

Общее ликование.

Картина шестая

Общее ликование переходит в веселую музыку.

Площадь Вероны Карнавал. Музыканты. Танцоры.

Публика, среди которой Герцог и представители домов Монтеки и Капулетти, одета в самые разнообразные маски. На импровизированный помост влезает Бальтазар и Самсон, наряженные в костюмы Арлекина и Бригеллы.

Бальтазар и Самсон. Любезные синьоры! Карнавал Мы открываем в этот день весенний! И шуткою поднимем настроенье Всем тем, кто нас, конечно же, узнал...

Самсон. Ну, а как тебя не узнать? Ты – Бальтазар...

Бальтазар *(прижав палец к губам)*. Т-сс... Мы же договаривались!

Самсон (*вспомнив*). Ах, да... Конечно... Ты – Бригелла, слуга из дома... Мантулетти...

Бальтазар. Правильно! А ты – Арлекин! Слуга из дома... Капутекки!!...

Самсон. Есть такие два дома в нашем городе, которые любят друг дружку, как... рубанок – стружку... как журавль – лягушку...

Бальтазар. Как Арлекин – колотушку! (*Дает ему подзатыльник. Обращается к публике.*) Вы намеки понимаете? Это мы шутим!

Самсон (*потирая затылок*). Да... Изящно шутим. После того, как нас послал в тюрьму его высочество Герцог, которого обожает вся Верона, как самое дорогое, что есть на свете...

Бальтазар. Т-сс!... Я же просил – намеками! Может быть, его высочество здесь, среди гостей?!. Поэтому говори не «тюрьма», а (Говори – «одно место»... И не «его высочество», а «некий синьор»...

Самсон. Ну, конечно... Я помню. После того, как нас послал... в одно место... некий синьор, которого обожает... вся Верона, как...

Бальтазар. Не говори «Верона». Догадуются!...

Самсон. А как говорить?

Бальтазар. Говори намеком... «Ворона»!

Самсон. А!... Понятно... Значит, после того, как нас послал в одно место некий синьор, которого обожает вся Ворона, как... как... свои яйца...

Бальтазар. При чем здесь яйца, дурак?

Самсон. Ну, а что у вороны самое дорогое?... Яйца!

Бальтазар. Вот и говори намеками!

Самсон. Да как можно намекать на яйца? Показать, что ли?!

Бальтазар (*дает ему подзатыльник*). Я тебе покажу! Выкручивайся как хочешь, раз начал свою идиотскую фразу...

Самсон (*публике*). Хорошо, синьоры... Попробую с разбега, может проскочим... Итак! После того, как нас с Арлекином... послал... в одно место... некий синьор, которого наша... Ворона... обожает как... то... что... он может нам оторвать... и не только нам, но и всем... если мы не научимся изящно шутить! (*Кланяется.*)

Бальтазар. Вот, молодец! (*Кланяется.*)

Самсон (*Бальтазару*). А, как думаешь, понятно, что я про яйца говорил?

Бальтазар. Молчи! Дурак! (*Колотя Арлекина надувной дубинкой, убегает вслед за ним с помоста.*)

Аплодисменты. На помост влезает Герцог в маске. Герц от (*утирает слезы смеха*)... Вот черти!... До слез, буквально до слез... Бестии эдакие... Молодцы!... Повесить бы, конечно, чтоб другим неповадно... Но в такой день – прощаю! (*Снимает маску*) Надеюсь, сразу узнали?... Цели нет, считайте – сюрприз в честь праздника! (*Резко меняя тон*).

Сограждане! Вы, жители Вероны!

Закончилась ужасная зима!

Безжалостная страшная чума

Ушла от нас! И затихают стоны...

И громче музыка! И жизнь берет права!

И значит – продолжаем карнавал!!

Дает знак музыкантам. Начинаются танцы.

Герцог спускается с помоста, подходит к столику, за которым – семья Капулетти.

Все – в масках.

Рад приветствовать достопочтенных Капулетти!

Синьор Капулетти. О, какая пронизательность! Как вы нас узнали, ваше высочество?

Герцог. По дамским ножкам, синьор. Лучшие ножки принадлежат Капулетти, это все знают...

Синьор Капулетти. Какой изящный комплимент!

Герцог. И глаз наметанный, синьора... Сейчас даже попробую угадать, кто есть кто?... *(Смеется, чуть приподнимает дамам юбки.)* Синьорита Лючия... Синьорита Бьянка... Это – Вероника, помню. А это – наша Розалина?

Розалина. Нет, я здесь, ваше высочество! *(Снимает маску.)*

Герцог *(чуть огорчившись)*. М-да. Уже глаз не тот... Ну, как дела, Розалина? Как там моя крестница?

Розалина. Спасибо, ваше высочество! Жива, здоровехонька...

Синьор Капулетти. Уже начала говорить...

Герцог. Да что вы?

Синьор Капулетти. Клянусь! Год едва исполнился, а уже лепечет... И знаете, какое первое слово она сказала? «Гер-цог!»

Герцог. Да что вы?

Синьор Капулетти. Уверяю, ваше высочество... Есть свидетели. Мы с супругой не поверили своим ушам, даже переспросили: как?! «Гер-цог», – говорит.

Герцог. Это приятно... Но, вообще, вы ее зря учите таким вещам! Ребенок сначала должен говорить то, что положено природой: «мама», «папа»... Кстати, от Антонио никаких вестей?

Розалина. К сожалению, ваше высочество...

Герцог. И у меня... Вернее, новости есть, но неважные. Пришло письмо, подтверждающее его кончину... Чума! Все войны Италии не принесли столько беды... Впрочем, давайте не путать праздник с поминками! Веселее смотрите, синьора Розалина!

Розалина. Я стараюсь, ваше высочество!

Герцог. Вы – молодая женщина и не должны себя хоронить... Верность любви внушает уважение, но невенчанная вдова – это что-то противоестественное. Маленькой Джульетте нужен отец!

Розалина. Я считала, ваше высочество, что у нее есть крестный отец, этого достаточно.

Герцог. Недостаточно! Сам рано потерял отца и знаю... Ребенку нужна каждодневная мужская ласка... И вам, синьора, между прочим, тоже. Поверьте, здесь на карнавале достаточно найдется достойных синьоров, с кем вам будет интересно... вот взять хоть этого нашего гостя из Милана... вы его знаете, синьора Капулетти?

Синьора Капулетти. Да. Мы знакомы...

Герцог. Обратите на него внимание, Розалина... Рекомендую! Видите, я уже выступаю и как крестный, и как сват... Очень обстоятельный синьор! Однако, я тут с вами заболтался... Пора подсесть за столик к Монтекки... А то взревнут!

Синьор Капулетти. Те – в черных масках, Монтекки? Никогда бы не подумал... Поразительно! Как вы всех узнаете, ваше высочество?

Герцог. По головам, синьор... У Монтекки эта часть тела несколько побольше...

Уходит, подсаживается к соседнему столику.

Синьора Капулетти *(тихо супругу)*. Какое изящное хамство! Впрочем, ты сам виноват. Нельзя так примитивно лстыть его высочеству. *(Берет Розалину под руку.)* Отойдем в сторонку, дорогая! Нам надо поговорить... И надень маску, пожалуйста, карнавал все-таки. *(Отходят.)* Ты, конечно, поняла, деточка, что Герцог к нам подошел не случайно? И к его желанию необходимо отнестись крайне серьезно!

Розалина. Кто этот синьор из Милана?

Синьора Капулетти. Богатый человек. И симпатичный... Редкое сочетание! Кроме того – преуспевающий негодяй. Он сделал какие-то интересные предложения герцогу по переустройству замка в Вероне... Тот в ответ сделал свое...

Розалина (*нетерпеливо*). Кто он?

Синьора Капулетти. Фамилии и не помню... Но мне кажется, ты его знаешь... Вы встречались в Мантуе... Его зовут Джорджи!...

Пауза.

Я же просила: надень маску! На нас смотрят!...

Розалина (*надев маску*). Синьора Капулетти! Я должна вам сразу заявить, что в ваши игры играть я не намерена... Что мне противна и мысль сама о том, что эта мерзость... еще хоть раз меня коснется!

Синьора Капулетти. Тихо, деточка, тихо! Не будем опускаться до высокопарности!... Дело житейское... Он – холост, ты – вдова... из хорошей семьи... Джульетте нужен папа... Кроме того, насколько я понимаю, это вообще – именно его ребенок?... Как же можно идти против природы?...

Розалина. Никогда! Вы слышите, тетушка?! Никогда! Лучше – повеситься, лучше – в монастырь!

Синьора Капулетти. Не ори – нас слышат! И хватит про монастырь – мы с тобой в эти постригушки уже играли... (*Берет ее под руку.*)

Розалина. Оставьте хоть вы!... (*Вырывается, мечется по сцене, затем решительно подходит к столу Монтекки, садится, снимает маску.*)

Монтекки. Синьора Розалина! Какой сюрприз! (*Тоже снимает маску.*) А ну – вина синьоре, нам подарившей чудную Джульетту!... (*За столом оживление, Розалине дают кубок.*)

Розалина (*подняв кубок и нарочито громко*). Я пью за вас, синьор! За всех Монтекки! За вашу благородную семью, которой равной нет во всей Вероне! (*Пьет.*)

За столиком Монтекки взрыв ликования.

Капулетти наблюдают за этой сценой с тревогой.

Розалина (*Монтекки*). Синьор, а можно мне набраться дерзости и пригласить на танец вас?

Монтекки. Почту за честь, синьора!

Они выходят на передний план, танцуют

Что стряслось, моя девочка?

Розалина (*тихо*). Синьор, вы как-то сказали, что дом Монтекки всегда готов дать приют мне и моей дочери...

Монтекки. И от слов своих не отрекаюсь!

Розалина. Увезите нас отсюда... В Тоскану! В Неаполь! К черту на рога!... Умоляю!

Монтекки. Считайте, что карета приготовлена, синьора... Но что случилось? Вас обидели Капулетти?

Розалина. Они неспособны никого обидеть, поскольку думают лишь о себе. По этой же причине на них глупо обижаться!... Все проще!... Подписали сделку с очередным богатым компаньоном, а меня с Джульеттой подкладывают под договор в качестве приданого...

Монтекки. Какая низость! И с нами даже не обсудили!... Как будто у нас на девочку прав меньше?... Синьора, мы – Монтекки – не дадим вас в обиду, можете не сомневаться!

Розалина. Спасибо, синьор!

Монтекки. Ну, а в самой женитьбе, в общем, нет ничего противоестественного... Вы знаете, Розалина, я любил *Антонио*, как сына, но ушедшего не вернуть... И душа его с небес только порадуется вашему счастью! (*Зашептал ей на ухо.*) Здесь есть один синьор... Из Милана. Друг герцога и большой друг нашей семьи... Он просто мечтает с вами познакомиться... Да вот же он, за нашим столиком... Синьор Джорджи, прошу к нам!...

К ним подходит Джорджи, снимает маску, кланяется.

Разрешите представить нашу родственницу, Розалину! Джорджи. Счастлив знакомству, синьора!... Джорджи Фиранделло... Негоциант из Неаполя!

Пауза

Синьор Монтекки (*Розалине*). Ну, скажи что-нибудь, дорогая! Что-нибудь, что положено говорить в таких случаях... Наверное, я смущаю?! И правильно! Незачем старикам среди молодых путаться... Танцуйте!

Подталкивает Розалину к Джорджи, сам уходит за столик.

Джорджи (*протянув руку Розалине*). Прошу, синьора! (*Тав замешательстве.*) Прошу! На нас смотрят!

Розалина (*сухо*). Сначала я надену перчатки! (*Надевает перчатки, лишь после этого протягивает руку Джорджи.*)

Они выходят в танце на передний план.

Джорджи. Синьора Розалина! Не в моих правилах просить прощения, но в отношении вас я готов отступить от принципов. Грехи молодости требуют снисхождения...

Розалина. Считаете, что год назад были значительно моложе?

Джорджи. Безусловно! Моложе на целую чуму... на утрату жены... на тысячи, которые заработал... на миллионы, которые потерял! Все это быстро старит, синьора. И добавляет мудрости. Поэтому прошу у вас прощения, но... ни в чем не раскаиваюсь!... Когда я увидел девочку... мою прелестную Джульетту, я подумал, что во всем есть особый Божий Промысел!

Розалина. Ваш темнокожий друг того же мнения?

Джорджи. Кто? Мавр? Меня он не интересует. Он умер, и пусть сам отвечает за свои проступки перед Всевышним... Кроме того, девочка бела, как снежок, и значит, не принадлежит ему...

Розалина (*резко*). Вам – тоже, синьор! У девочки есть отец!... Его зовут Антонио. И знает об этом весь город...

Джорджи. Кроме нас с вами. Мы знаем правду! И если вы будете упрямы, я доведу эту правду до всех! Может быть, прямо сейчас!

Розалина (*испуганно*). Вы не сделаете этого! Джорджи. Карнавал, синьора! Я дурею на карнавалах, вы же помните?

Розалина. Что вы хотите от меня?

Джорджи. Я не люблю, синьора, когда покушаются на мою собственность! Это противоречит моим принципам! Порок должен быть наказан, но пусть и добродетель торжествует! Я неожиданно обрел дочь... Я встретил синьору, которую обольстил когда-то, но теперь предлагаю ей стать моей женой... Все вернулось на круги своя... Чего еще желать? С ответом можете не торопиться! У вас есть время... до конца танца. Потом я должен что-то всем объявить...

Несколько секунд они молча танцуют.

Розалина. Хорошо. Я согласна!

Джорджи. Я рад, что не ошибся в вас...

Розалина (*зло*). Если можно, синьор, не говорите хоть секунду о том, что вы думаете, или считаете... Послушайте мои условия! Во-первых, я не хочу, чтобы девочка знала правду до совершеннолетия. Для нее вы – отчим! Станет взрослой, пусть сама решит: прощать вас или нет?

Джорджи. Странное условие, Розалина. Я должен подумать... у коммерсантов есть правило, перед тем, как согласиться с какой-то идеей, с ней надо переспать...

Розалина. Теперь и насчет этого!... Вы должны поклясться, что никогда не прикаснетесь ко мне, ни трезвым, ни пьяным... Ни при людях, ни когда мы наедине...

Джорджи. Еще более странное условие! Наедине – понимаю, но при людях нам все же придется соблюдать какую-то видимость любви. *(Целует ей руку.)* Карнавал все-таки!... Как поется в одной песенке: «Позвольте, дорогая синьорина, мне чувств своих безумных не скрывать и под щемящий рокот мандолины хотя бы край у платья целовать!»...

Розалина. Это – сколько хотите! *(Решительно отрывает край у своего платья, вручает его опешившему Джорджи. Затем берет Джорджи под руку и, нарочито улыбаясь, направляется к помосту, на котором вновь появляются Бальтазар и Самсон с мандолиной и гитарой.)*

Бальтазар и Самсон *(поют)*.

Арлекин полюбил! И Бригелла влюблен!
Их сердца разрывают на части!
Соловьиною песней разносится стон,
Это стон от желанья и страсти!
Карнавал в Вероне! Карнавал!
Пусть же этот праздник не кончается!
Пусть глаза влюбленные встречаются,
Чтоб сразить друг друга наповал!
Панталоне положено пылко любить,
Труфальдино беречь свои нервы...
Коломбине-красотке положено быть
Очень нежной... но чуточку стервой!
Карнавал в Вероне! Карнавал!
Пусть же этот праздник не кончается!
Пусть глаза влюбленные встречаются,
Чтоб сразить друг друга наповал!

Все танцуют и подпевают.

Картина седьмая

Монастырь. Монашеская келья. Лоренцо за столом, перед ним перо и бумага.

Лоренцо.

...С нелегким сердцем приступаю я
К рассказу о последующих событиях...
Их не имею права позабыть я,
И расскажу, всю правду не тая,
С холодной беспристрастностью... А впрочем...
Насколько хватит сил... Насколько Бог захочет!
Итак, настала осень! Льют дожди!
Река Вероны полнится водою...
Грозь нам половодьем и бедою...
Но есть поверье: там беду не жди,
Где признаки ее предугадать несложно...
Жди там, где ждать, казалось, невозможно!...

Открылась дверь кельи. Вошел монах с двумя полными ведрами воды. Откинул мокрый капюшон... Это – Антонио.

Антонио. Ну и дождь!... Святой отец, напомните: перед всемирным потопом сколько он лил?

Лоренцо. Сорок дней и сорок ночей, сын мой!

Антонио. Стало быть, первую треть уже наполнили!... Думал, не доберусь до родника... Идучи за водой – в воде захлебнуться! Нелепо! Кстати, святой отец, кто это придумал строить монастырь вдали от родника?

Лоренцо. Мудрые люди. Влага, добытая с трудом и усилием, покажется чище и вкусней...

Антонио. Надеюсь, к вину это тоже относится? *(Вынимает из одного ведра бутылку.)* Спускался за нею в деревню... крутыми тропами. Вкусная влага, должно быть? Не смотрите строго, святой отец! Разве не сказано в Библии: «Будем пользоваться миром, как юностью... Преисполнимся дорогим вином... И да не пройдет мимо нас весенний цвет жизни!»

Лоренцо. Если из всей Библии ты усвоил только эти слова, сын мой, то – весьма прискорбно!... И, если читать внимательно, Соломон привел заученную тобой фразу, как мысли нечестивых... В притчах же своих он пишет: «Вино – глумливо, сикера – буйна, и всякий увлекающийся ими неразумен!»

Антонио. Все! Сдаюсь! Святой отец, глупо мне вас учить Священному Писанию... *(Смотрит на бутылку.)* Но выливать на землю – тоже глупо! Это значит – приближать потоп!... Неужели в монастыре никогда не пьют?

Лоренцо. Братья могут себе позволить изредка, по праздникам. И то с разрешения настоятеля.

Антонио *(обрадованно)*. Конечно, по праздникам! И с братьями! Один я вообще не пью...

Лоренцо. У тебя веселый нрав, Антонио! Но из-за этого трудно понять, когда тебе можно верить?... Ты пришел в монастырь с исповедью. Сказал, что хочешь очиститься здесь молитвой и аскезой, а сам на пятый день побежал за вином!

Антонио. Такой унылый дождь, святой отец... Выматывает душу.

Лоренцо. Дождь – не самое страшное испытание, которое выпадает на долю послушника... Ты действительно думаешь о приобщении к братству святого Франциска?

Антонио. Думаю, святой отец. Однако не могу решиться... я ведь игрок: чтобы так круто поменять жизнь, надо получить какой-то знак провидения. *(Прислушавшись.)* Например, сквозь шум дождя услышать цокот копыт и скрип колес подъехавшей кареты...

Лоренцо *(прислушиваясь)*. Не говори загадками... Ты все-таки послал ей письмо?

Антонио. Не письмо! Клочок бумаги... «Я – в монастыре. Антонио». Все!

Лоренцо. Ты обещал и этого не делать!

Антонио. Но я же объяснял: должен быть хоть какой-то знак судьбы перед важным решением! Не приедет она – я усомнюсь в Высшей Справедливости. И, чтоб замолить сей грех, погружусь в монастырскую жизнь...

Лоренцо. А если приедет?

Антонио. В такой дождь? В горы?... Женщина?!

Лоренцо. Не забывай: замужняя женщина!

Антонио. Не забываю, святой отец... Но это лишь усиливает безнадежность моего шанса... *(Прислушался)*. Нет, показалось... а если приедет, значит, Бог есть, и в служении Ему я проведу остаток дней... То есть, опять же все – в пользу монастыря! У вас беспроегрешный вариант!

Лоренцо *(зло)*. Монастырь, сын мой – не игорный дом! И тем более – не дом свиданий! И напрасно ты полагаешь, что для нас такое уж приобретение твое присутствие здесь...

Антонио. Разве вы не обязаны оказывать приют страждущей душе?

Лоренцо. Обязаны! Любому, ищущему раскаяния и утешения, мы говорим: входи, брат! Но для упорствующих в грехе, для соблазняющих слабых мира сего у нас есть другие слова: «Изыди, сатана!»... Не заставляй меня произносить их. Прошу тебя, Антонио. Что случилось, то случилось, изменить ничего нельзя, зачем же напрасно терзать себя и ее?...

Антонио. Откуда я знаю зачем, святой отец?! Монахам всегда легко давать советы влюбленным.

Лоренцо. Никто не родится сразу монахом, Антонио. Мои советы выстраданы, поверь! Я Тоже был молод и умел страстно любить... Но ее выдали замуж за другого, мы вынуждены были расстаться. А потом она умерла, я принял схиму, и храню ей верность до сих пор...

Антонио (*перебивая*). Горжусь вами, святой отец! Но моя женщина, слава Богу, жива, а это резко меняет ситуацию!... Слышите? Нет? А я слышу! Не знаю зачем, не знаю почему, но слышу ее шаги...(*Взволнованно*.) Слава тому, кто строил этот монастырь!... Здесь даже стук каблучков по ступеням рождает музыку! А вы еще пытались меня сбить с пути истинного! Теперь я верую и буду молиться с полным пониманием слов...

Падает на колени. Начинает молитву. Входит Розалина. Молча смотрит на Антонио. Лоренцо секунду наблюдает за ними, затем выходит.

«Превознесу Тебя, Господи, что Ты поднял меня и не дал моим врагам восторжествовать надо мною. Господи, Боже мой! Я воззвал к Тебе, и Ты исцелил меня... Ты вывел из ада душу мою и оживил меня, чтобы я не сошел в могилу... Пойте Господу святыеЕго... Ибо на мгновение гнев Его, на всю жизнь благоволение Его: вечером водворяется плач, а наутро радость...» (*Повернулся к Розалине*.) Почему ты плачешь?

Розалина. Кто подсказал тебе эти слова?

Антонио. Царь Давид. 29-й псалом (продолжает молитву)... «к Тебе, Господи, взывал: «Что пользы в крови моей, когда сойду в могилу? будет ли прах славить Тебя? будет ли возвещать истину Твою?»... И Ты обратил сетование мое в ликование, снял с меня вретиче и препоясал меня веселием. Да славит Тебя душа моя и да не умолкает». Аминь! (Встает с колен.)

Розалина. Как мне теперь к тебе обращаться: «святой отец»?

Антонио. Ни в коем случае! Зови как прежде – Антонио!

Розалина. Ты давно стал монахом?

Антонио. Часа три назад. Моя одежда совсем вымокла... Пришлось надеть эту...

Розалина (*зло*). Ах, мерзавец!... Вот как я буду тебя называть! Сукин сын! (*Набрасывается на него с оплеухами, он, смеясь, уворачивается*.) Я схожу с ума, плачу над его безвестной могилой, а он еще шутит! (*Целует его*.) Любимый мой, ненаглядный... Какое счастье, что я могу тебя лупить и целовать... Целовать и лупить!... Целый год мечтала об этом... Представляла, как мы встретимся, и ты начнешь врать. Как всегда невероятно, но убедительно! Обожаю твои рассказы. Так что стряслось в этот раз? Начинай... (*Садится напротив*.)

Антонио (*чуть смущен*). Розалина!... Если мой талант – убедительно врать, то твой – слушать и верить! Этим ты, кстати, покорила мое сердце... Умоляю, не меняйся!... Тем более, что сейчас я рассказываю чистую правду!... Мы расстались в день нашей несостоявшейся свадьбы, и я уехал в Неаполь, чтоб скорее получить разрешение епископа... Месяц добивался у него приема, подстерегал в храме, на улице перед его домом... Наконец, когда он согласился меня принять, случилось невероятное: моя первая жена Росита надумала вернуться в христианство! К тому моменту она уже отошла от ислама, разочаровалась в иудаизме и стала язычницей, чтобы спать с каким-то шаманом прямо на костре... Но тут какой-то молодой проповедник убедил ее в преимуществах святой католической веры и уговорил вновь креститься! (Думаю, и переспал с ней для убедительности, но это уже детали.) Она воскресла для церкви, а я умер для тебя... Если не веришь, напиши епископу, он подтвердит. Когда все это случилось, епископ сначала ржал, как мерин, а потом заплакал крокодиловыми слезами и сказал, что бессилен нам помочь... Что мне было делать? Кому жаловаться? Папа Римский был на карантине, Господь Бог по случаю чумы отвлекался на другие заботы... Ребенок ждать не мог, твоя репутация была бы под угрозой...

Тогда я сам принял решение и распустил слух о собственной кончине... Даже поставил доску на кладбище с эпитафией, в меру трагичной:

«В последний путь ушел хромой Антонио,

Чтобы догнать ушедших до него...»

Пауза.

Розалина. Зачем ты приехал?

Антонио. Вот это вопрос посложнее... И все-таки опять скажу невероятную правду, а ты попытайся поверить: Я СОСКУЧИЛСЯ! Розалина, можешь плюнуть мне в глаза, но оказалось, что я люблю тебя... В жизни не испытывал ничего подобного: подумаю о тебе и сразу – сердцебиение, слабость в коленках. Стихи! Я стал сочинять стихи и класть их на музыку... Вот до какого идиотизма я дошел, Розалина!

Розалина. Ты знаешь, что я замужем?

Антонио. Конечно! А я по законам церкви – женат. Но какое это имеет значение, если я люблю тебя, а ты отвечаешь мне взаимностью... Или я опять вру?

Розалина. На этот раз нет... *(Прижалась к нему.)* Что с нами будет, Антонио?

Антонио. О грядущем гадать не хочу... Но, если говорить о самом ближайшем будущем, думаю правильной всего – постелить прямо здесь, на полу...

Розалина. С ума сошел? В монастыре?

Антонио. А где мы впервые познакомились? Забыла?

Розалина. Разве не в Венеции?

Антонио. Никогда! Жуткий городишко... Все на лодках, и платить надо за каждый взмах весла... Нет, первая любовь вспыхнула здесь, в монастырской келье... Я рассказывал это всему городу. Это подтвердил сам брат Лоренцо. *(Обнимает ее.)* Мы сидели вдвоем и читали Библию...

Розалина *(слабо сопротивляясь)*. Грех, Антонио! При чем тут Библия?

Антонио. А ты ее давно перечитывала? *(Взял со стола Библию, начал листать.)* Здесь удивительные слова.¹ Вот... слушай... «О ты, прекрасная возлюбленная моя! глаза твои голубиные под кудрями твоими, волоса твои, как стадо коз, сходящих с горы Галавадской... как лента алая губы твои, и уста твои любезны... *(Целует ее.)*... Шея твоя, как столп Давидов... два сосца твои, как двойни молодой серны, пасущейся между лилиями...»

Розалина *(вырываясь)*. Врешь! Не может быть в Священном Писании про сосцы...

Антонио. На! Читай сама... «Песня песней»...

Розалина. Я не умею читать...

Антонио. Тогда слушай грамотного набожного человека... *(Страстно шепчет.)* «Пленила ты сердце мое, сестра, невеста, пленила ты сердце мое одним взглядом очей твоих... О, как любезны ласки твои... О, как много ласки твои лучше вина, и благовоние мастей твоих лучше всех ароматов! Сотовый мед каплет из уст твоих... мед и молоко под языком твоим... Пусть придет возлюбленный в сад свой и вкушает сладкие плоды его...» Если скажешь, что и это неправда – обижусь!

Гасит свечу.

Картина восьмая

Зал герцогского дворца, где проходят представления придворного театра. В ложах – Герцог со свитой, Монтекки, синьор и синьора Капулетти, другие гости.

На сцене несколько молодых пар азартно фехтуют, затем, поразив друг друга клинками, падают. Аплодисменты. Актеры «оживают», с поклонами удаляются.

Герцог (привстав в ложе, гостям).

Нет зрелища изящнее на свете,
Чем зрелище борьбы Монтекки с Капулетти!
А, впрочем, я шучу...
И рад тому,
Что все бои остались лишь на сцене,
А в жизни наступило примиренье...

Все аплодируют.

Но подождем! Что там насочинял
К концу спектакля драматург искусный?
Не ведаю...

Так пусть напиток вкусный,
Поможет всем предугадать финал...

Слуги вносят подносы с бокалами.

Сейчас – антракт! Я ухожу в кулисы,
Чтоб вдохновенье дать актерам и актрисам...

Гости выходят, начинают прогуливаться.

Слуги разносят бокалы с вином. Герцог берет огромный букет, направляется к кулисам, затем оборачивается, делает знак Джорджи. Тот подходит.

Герцог.

Сюжет прелестен был, не так ли?

Джорджи.

О да! Прелестнее спектакля,
Мне кажется, и быть не может!

Герцог.

Я рад, что мненья наши схожи...

(Пауза.) А что ж вы опять один? Где же наша прелестница Розалина?

Джорджи. Она неважно себя чувствует...

Герцог. Бедняжка!... Третью неделю постельный режим? А вы что же?

Джорджи. Что я?

Герцог. Как вы себя чувствуете, зная, что ваша жена... как бы это помягче выразиться?

Джорджи. Не надо помягче, ваше высочество. Все это и так слишком мучительно для моего самолюбия. Я был слишком доверчив к чужим рекомендациям... Но что теперь делать? Дуэли запрещены и противоречат моим принципам...

Герцог. А вы – нарушьте! Нарушьте принципы! Нельзя же, чтобы весь город злословил по вашему поведению... Да и меня это касается... Я крестил ребенка. Был посаженным отцом невесты! Меня втянули в какую-то некрасивую историю...

Джорджи. Тогда почему не арестовать этого проходимца Антонио?

Герцог. За что? За то, что не умер и влюблен?... Как вам хочется сделать из меня деспота!! Нет уж, вы сами... Сами как-то выпутывайтесь! И помните, синьор, в Вероне рогоносцы не приживаются! *(Меняет тон.)* Однако, мне пора! Актеры – словно дети! Не похвали их, ни за что на свете не сделают приятную игру... Наоборот – напортят и наврут!... *(Уходит.)*

Джорджи направляется к синьору и синьоре Капулетти.

Синьор Капулетти. Сюжет посредственен, не так ли?

Джорджи. Синьор! Посредственной спектакля, мне кажется, и быть не может!...

Синьор Капулетти. Я рад, что мненья наши схожи...

Синьора Капулетти *{берет Джорджи под руку, отводит в сторону}*. Герцог недоволен?

Джорджи. Он возмущен! И прежде всего – вами...

Синьора Капулетти. При чем здесь я?

Джорджи. Розалина – ваша племянница! Вы за нее морально отвечаете...

Синьора Капулетти. Розалина, слава Богу, – совершеннолетняя. И у нее есть муж. Значит, все, что касается морали, – его забота!

Джорджи. Я собирался вызвать этого мерзавца Антонио на дуэль. Но герцог решительно против!... Он мне сказал: «Джорджи, вы – негодяй, шпага противоречит вашим принципам... Ваше оружие – счета и векселя». Кстати, синьора, ваша семья задолжала мне довольно значительную сумму...

Синьора Капулетти. Мы это помним, Джорджи!

Джорджи. Тогда объясните и Розалине, что ваше благополучие в ее руках. Любой договор надо исполнять, синьора... Мне бы не хотелось передавать векселя в суд. Это противоречит моим принципам. В Вероне, говорят, все можно уладить как-то проще, по-семейному... *(Отходит.)*

Синьор Капулетти. Что он сказал еще по поводу пьесы?

Синьора Капулетти *(задумчиво)*. Сказал, что смотрится... с огромным интересом!

К ним направляется синьор Монтекки.

Монтекки *(синьору Капулетти)*. Сюжет надуманный! Не так ли?

Синьор Капулетти. Синьор, надуманней спектакля, мне кажется, и быть не может!...

Синьора Капулетти *(нетерпеливо)*. Я рада, что оценки ваши схожи... *(Мужу)*. А теперь, дорогой, я хотела бы поговорить с Пьетти наедине.

Синьор Капулетти. Кто это «Пьетти»?

Монтекки. Я, с вашего позволения. Пьетро... – Пьетти. Так меня звали в детстве...

Синьор Капулетти *(растерянно)*. Не знал...

Синьора Капулетти. Ты не обязан все знать, дорогой... В этом твоя прелесть! *(Отводит Монтекки в сторону.)* Ты говорил с Антонио?

Монтекки. О чем?... Ах, да... Нет еще. Не знаю, где этот шалопай прячется? Мои люди пока не могут найти.

Синьора Капулетти. Не смей меня, Пьетро. «Твои люди» не могут?

Монтекки. Я сказал «пока не могут»... Конечно, найдут, приведут... Но о чем говорить мне с ним? Бранить за то, что не умер?... В конце концов, правила приличия должна первой соблюдать женщина... Почему ты не посадишь Розалину под замок?!

Синьора Капулетти. Сажала. Она убегает...

Монтекки. От тебя, Юлия?! Теперь ты меня насмешила...

Синьора Капулетти. Пьетро, положение гораздо серьезней, чем ты думаешь. Герцог взбешен. Джорджи – опасный человек, он грозит нас разорить... Розалина – дикая кошка. Если на нее давить, она способна совершить над собой любую глупость... Остается Антонио!

Монтекки. С ним тоже не просто... Он влюблен. А влюбленный Монтекки теряет голову...

Синьора Капулетти. Не всегда...

Монтекки. Что ты имеешь в виду?

Синьора Капулетти. Один мой знакомый Монтекки когда-то оказался на редкость рассудительным и послушным...

Монтекки. За это он и наказан! И страдает!... Даже достигнув преклонных лет...

Синьора Капулетти. В любви не бывает преклонных лет, Пьетти!... *(Пауза.)*

Монтекки. Я что-то перестал понимать. Выводи меня на мысль, Юлия!

Синьора Капулетти. Выручай меня, Пьетро... Я в ловушке. Если Джорджи устроит скандал, откроется такая грязь, от которой нам всем не отмыться! Надо, чтоб Антонио исчез... Я бы сделала это через своих людей, но я не хочу, чтобы Капулетти вновь пролили кровь Монтекки... Это значит – опять война. А я устала от войны... Остаток дней хочу провести в мире и любви.

Хочу, чтоб наши дома дружили, чтоб наша Джульетта росла счастливой... чтоб мы могли видеться... Ты и я... Как в детстве. Пьетти и Юлия... Извини, этого, наверное, не надо было говорить, но Капулетти тоже иногда теряют голову... *(Пауза.)*

Монтекки. Хорошо, Юлия... Все будет, как ты просишь...

Синьора Капулетти. Спасибо! Я знала, что не ошибусь в тебе... Как жаль, что не поняла этого много лет назад.

Монтекки. Жаль. Но ничего уже не вернуть... И ты не дослушала... Все будет, как ты просишь, но сделаем это вместе!

Синьора Капулетти. Теперь я не понимаю...

Монтекки. Монтекки и Капулетти. Они теперь будут неразлучны во всем. *(Берет ее под руку, отводит в сторону.)*

Появляется Герцог.

Герцог *(радостно)*.

Антракт закончился!

Любезные синьоры,

Я приглашаю всех спуститься в зал...

Спектакль опять продолжится, но скоро

Наступит ожидаемый финал!

Надеюсь, будет он не очень скучным,

Не очень длинным и благополучным!

Так мне обещано... а впрочем, поручиться

Нельзя!

Здесь может все случиться:

Не раз фантазия актеров и актрис

Преподносила публике сюрприз...

Аплодисменты.

Гости спускаются в зрительский зал. Звучит музыка: Сцена погружена в темноту.

И до нас доносятся лишь звуковые отголоски событий, происходящих то ли на сцене, то ли в чьем-то воображении.

Голос Антонио *(напевает под аккомпанемент гитары)*:

Ночь в Вероне черна,

И не светит луна,

И ни звездочки на небосклоне...

Но с пути не собьюсь,

И рассвета дождусь,

Только ты появишься на балконе...

О, моя синьора!

Голос Бенволио *(шепотом)*. Это он.

Голос Валентина *(шепотом)*. Не вижу...

Голос Бенволио. Идите на голос... Да не тряситесь вы так, синьор...

Голос Антонио.

Днем в Вероне светло.

Воздух чист, как стекло,

И ни облачка на небосклоне...

Только, вот тебе раз!

Свет небесный погас, -

Я не вижу тебя на балконе...

О, моя синьора!

Голос Бенволио. Синьор, замечу – ваша песенка довольно глуповата.

Голос Антонио. Вероятно, синьор. Но замечу в ответ – она не вам предназначалась.

Голос Бенволио. Это оскорбление?

Голос Антонио. Нисколько. Или здесь мужчины привыкли, что им поют серенады?

Голос Бенволио. Двойное оскорбление! Защищайтесь! *(Звук шпаги, доставаемой из ножен.)*

Голос Антонио. Чувствую, что вы хотите затеять драку?... Завтра я к вашим услугам! Но сейчас у меня с собой только гитара...

Голос Бенволио. Это меня вполне устраивает! *(Шум борьбы. Антонио вскрикнул.)*

Голос Антонио. Наемный убийца! Кто ты?! *(Стон.)*

Голос Бенволио. Узнаешь в преисподней! *(Валентину)*. Валентин... ваша очередь!...

Голос Валентина. Я... не могу!

Голос Бенволио. Да бей же... Трус! Мы договаривались. *(Шум борьбы)*.

Голос Антонио. Ну, нет... Я вам так просто не дамся!... *(Крик)*.

Голос Валентина. Я ранен! Мне плохо... *(Его тошнит.)*

Голос Бенволио. Вот! Получай! *(Крик боли, звук убегающих ног.)*

Голос Антонио. Мерзавцы! В спину... «Храбрецы» *(стонет)*. Чума на оба наши дома!... *(Звук падающего тела)*.

И сразу звон колокола.

Голос синьора Капулетти. Финал ужасен был. Не так ли?

Голос синьоры Капулетти.

О да! Ужаснее спектакля,

Мне кажется, и быть не может...

Голос Монтекки.

Как жаль, что мненья наши схожи...

Голос Герцога.

А я совсем не понял: кто?... кого?!

И почему во тьме? И колокол откуда?...

Ну, никому нельзя доверять... ничего!

В дальнейшем сам продумывать все буду...

Звук колокола усиливается.

Картина девятая

Келья монастыря. Лоренцо со свечой в руках открывает дверь

Вбегает Розалина.

Розалина. Он жив?!

Лоренцо.

Да, дочь моя! Но не могу беспечно

Сказать, что смерть далеко отошла...

Двух суток не прошло с той страшной ночи,

Когда добрался он в наш монастырь

Без сил и в окровавленной одежде...

Я обработал раны так, как мог,

Но слабы люди... Всемогущ лишь Бог!...

Розалина. Могу пройти к Антонио?

Лоренцо.

Конечно!...

Но, дочь моя, хочу предупредить,
Что разумом несчастный повредился...
То в забытьи он... То, наоборот,
Вдруг в возбужденье мечется и бредит...
То кажется ему, что он куда-то едет,
То в океане кораблем плывет...

Розалина. Один?!

Лоренцо. Не понял я?

Розалина.

Один или со мной

Он в плаванье далеком пребывает?

Лоренцо *{растерянно}*.

Не знаю...

Имя часто повторяет твое...

Розалина *(перебивает)*.

О, счастье! Стало быть, – живой!

Жива душа его! И ясен разум!

И дар судьбы мне – быть с любимым рядом!...

(Хочет уйти.)

Лоренцо *{останавливая ее}*. Постой, Розалина! Если ты заговорила о его душе, то, прошу тебя, позаботься о ней всерьез... Она на краю бездны... Нельзя уходить в последнее плавание, не облегчив душу покаянием. Необходимо причастие!

Розалина. Вы говорили с ним об этом? Лоренцо. В первый же день... Пока его голова сохраняла ясность мысли. Впрочем, кто влезет в голову этого человека? В ответ он лишь улыбнулся и предложил мне недостойный торг: причастие в обмен на предварительное венчание...

Розалина. А вы что?

Лоренцо *(с осуждением)*. Розалина!...

Розалина. Святой отец, я просто поинтересовалась: так уж вы сделали все возможное, чтоб спасти ему жизнь? Неужели даже на краю могилы церковь не способна исправить свои грехи?

Лоренцо. Ты сошла с ума! О чем ты говоришь?

Розалина. Венчать нелюбящих, разве не грех? Отказать влюбленным в благословении, разве не преступление?... Впрочем, кому я все это объясняю? Для монаха любовь – не довод!

Лоренцо. Это жестоко, Розалина. Монахами не рождаются!

Розалина. Ах, верно. Я же слыхала... Вы, кажется, тоже любили когда-то?

Лоренцо. И люблю до сих пор. Храню ей верность, хотя она умерла...

Розалина. Как благородно! Но перед этим ее выдали замуж... Не так ли, святой отец? И не это ли свело ее в могилу при вашем благоговейном молчании?!

Лоренцо *(в бешенстве замахнулся на нее)*. Замолчи, дрянь! *(Тут же рухнул на колени)*. Прости меня, Господи! Прости!... Помощи Твоей молю, ибо силы мои на исходе... *(Розалине)*. Уходи, Розалина! От всей души сочувствую тебе, но ничем не могу помочь... Выше моих сил венчать женатого мужчину и замужнюю женщину...

Розалина. Это все не так, святой отец... Вы еще ничего не знаете. Я уже несколько часов – вдова...

Пауза.

Лоренцо *(встает с колен)*. О, Господи!...

Розалина. Я не виновата!... Перед женитьбой мы с Джорджи условились: он не тронет меня ни при людях, ни наедине!... А он напился и полез, дурак!... Ему важно было не только убить Антонио, но и унижить его... *(Плачет.)* Я умоляла... Я стала кричать: а он опять стал зажимать рот, как тогда... *(Достает из кармана ножницы.)* Они вот и попались под руку!... Господи, просила же вас, святой отец, постричь меня в монахини. *(Плачет.)*

Лоренцо *(погладил ее голову)*. Прости меня, Розалина!

Розалина. Вы меня простите, святой отец. Я приношу всегда столько неприятностей... И сейчас за мной, наверное, погоня?... Но я не доставлю им радости, а вам хлопот. Только попрощаюсь с Антонио...*(Достает флакон.)* Один глоток из этой склянки, – и мы уплывем далеко-далеко... *(Улыбнулась.)* Смешно: яд продал тот же аптекарь, что и Ромео...

Лоренцо. Не делай этого, Розалина!... Заклинаю тебя... Самоубийство такой же по тяжести грех, как тот, что уже совершила... Это прямая дорога в ад!... Доверься Богу! Пусть Он судит правых и виноватых. *{Розалина повернулась, пошла к выходу.}* Подожди!... Хорошо! Я согласен вас повенчать... Если это добавит жизненных сил Антонио и предотвратит твой поступок... Отдай мне склянку с ядом!

Розалина. Не раньше, святой отец, чем вы осените нас крестным знаменем!... *(Выходит.)*

Лоренцо задумчиво ходит по сцене, потом садится за столик, достает перо, раскрывает рукопись...

Лоренцо.

«Любезные потомки! В трудный час
Хотел бы перед вами объясниться,
Чтоб понятным мне быть...» *(швырнул перо.)*
Ах, что за чушь?
Как им понять сквозь заросли столетий?
Как правду отличить от лжи и сплетен,
Когда на расстояньи двух шагов
Друзей не отличаем от врагов?!
Лишь ТОТ, КТО СУЩЕСТВУЕТ ВЕЧНО,
Поймет нас... тех, чье время быстротечно...
Но если человек страдать так страшно может,
То как же Ты страдаешь, бедный Боже?!

Молится.

Шум. Голоса. Дверь в келью распаивается. Врываются стражники, молодые люди из домов Монтеки и Капулетти.

Впереди всех – Бенволио со шпагой.

Бенволио. Где они?! Монах, я тебя спрашиваю? Где убийцы?!

Лоренцо. В монастырь не входят с оружием, сын мой. Бенволио. Я – сын своего отца и племянник своего дяди! А сегодня назначен старшим в семье. Так вот, как старший!, я тебе обещаю: твой монастырь мы сровняем с землей! Притон разврата! *(Переворачивает стол, рукопись рассыпается по полу.)* Что за листки? Доносы потомкам? Как старший, запрещаю!

Входит Герцог со свитой.

Герцог. Может, старший в городе пока все-таки я?

Бенволио *(чуть смутившись)*. Безусловно, ваше высочество... Мой разум помутился от обиды и гнева!... Скончался от ран бесстрашный Валентин... Злодейски убит Джорджио, наш щедрый друг и меценат!... А теперь и благороднейшие старики, синьоры Монтеки и Капулетти, занемогли от горя и стыда и вряд ли поднимутся... Доколе терпеть, ваше высочество?... Какой пример мы подадим внукам? *(Достает бумагу, читает вслух, переходя на истерически-высокопарный тон.)*

«Мы, молодежь враждующих домов,
От распрей порешили отказаться,
Объединив усилия свои
Для наведения строгого порядка
В веронском герцогстве
И близлежащих землях!
Мы требуем примерно наказать
Монаха-чернокнижника Лоренцо,
Предав его строжайшему суду
Священной инквизиции!
Мы требуем: Антонио – злодея,
Обманом влезшего в семью Монтекки,
А также и наложницу его
Блудницу Розалину, – сей же час
Из города изгнать!
Но перед этим
В железо заковать их! И нагими
По улицам публично провезти,
Чтобы никому уж было неповадно
Творить прелюбодейство и разврат!»

Открылась дверь. Держась за руки, вошли Розалина и Антонио.

Спокойно и отрешенно смотрят на собравшихся.

Герцог (обращаясь к ним).

Вы слышали, что требует народ?

Антонио.

Не все.

Розалина.

Но мы со всем согласны,

Лишь только просим нас не разлучать!...

Антонио.

И на корабль нас поскорей отправить...

Я чувствую, как ветер паруса

Надул... И чайки приумолкли,

Как пред бурей... Ох, не опоздать бы!...

Герцог. Про что он говорит?

Лоренцо. Безумен он, синьор...

Антонио.

Безумен... Но не больше, чем другие,

Что голову теряют невзначай...

Вы не теряли? Значит, повезло!

Держитесь крепче за нее руками

И повторяйте: «Ах, ты, Боже ж мой!»...

Бенволио. Прикидываются сумасшедшими! Не выйдет! Ваше высочество, мы требуем наказания... Нагими – и через весь город!

Антонио. И всего-то? Бенволио, я считал тебя умней. Разве благо может быть в наказании? Розалина, разденемся? Нам с тобой друг дружку нечего стесняться, а остальных и не существует, когда видим друг друга... *(Смеется, раздевается.)*

Розалина. Конечно, милый... *(Смеется, раздевается.)* Разве Господь Еву и Адама не голыми выгнал из рая?

Антонио. Как раз и нет... Ты все путаешь! Они прикрыли наготу, и на этом погорели... Вот обратно в рай Господь, действительно, принимает абсолютно без всего... Так что мы будем одеты вполне прилично для торжественной встречи... *(Достает склянку с ядом.)*

Лоренцо *(испуганно кричит)*. Нет!!! Остановитесь!... Антонио и Розалина, я готов повенчать вас! *(Стража и представители домов возмущенно зашумели. Лоренцо высоко поднял распятие.)* Назад! Пока еще я сана не лишился и буду следовать своим законам! У Бога вымолю себе прощение, а вам не смей монаха осуждать! *(Подходит к Антонио и Розалине.)* Антонио, готов ли ты взять в жены женщину по имени Розалина?

Антонио. Да, святой отец!

Лоренцо. Ты, Розалина, готова ли стать женой Антонио?

Розалина. Мечтаю, святой отец!

Лоренцо. Поклянитесь в верности друг другу на Святом Распятии! Впрочем, эту верность вы уже доказали... *(Антонио и Розалина целуют распятие.)*

Розалина. Спасибо, святой отец. Заберите эту склянку! *(Протягивает яд.)* Теперь мы будем долго жить, даже если они нас и убьют, правда?

Лоренцо. Я постараюсь все для этого сделать... У вас есть кольца?

Розалина. Ох!... Антонио, ты забыл приготовить кольца!

Антонио. Ничего! Наша родня позаботилась о нас... Верно, ребята? Вы собираетесь нас заковывать или нет?... Не задерживайте обряд!

Один из родственников нерешительно подходит к ним, соединяет их кандалами и цепью.

Ну, вот! Такими брачными узами не все могут похвастать, верно, невеста? *(Целует ее.)* Пошли! Будем приветствовать гостей!

Розалина. Святой отец! Не оставьте заботой нашу девочку, нашу Джульетту!

Антонио. Да! Конечно! Чуть не забыл... И моего мальчика. Знаете, как его зовут? Угадали – Ромео! Он сейчас в Неаполе у родных... Когда наша Джульетта подрастет, познакомьте ее с братом. Может, они полюбят друг друга и даже поженятся... Я бы очень этого хотел!

Один из стражников. Тьфу!... Чтоб брат на сестре... Тьфу! *(Плюет в Антонио.)*

Антонио *(утирая лицо)*. Все мы – братья и сестры, солдатик! Тебе когда-нибудь это объяснят... А, впрочем, сейчас не время. Сейчас время веселой свадьбы! Встречайте молодых, родня! Как умеете, так и встречайте!...

Позванивая кандалами, обнаженные Антонио и Розалина идут сквозь строй плюющих и шипящих на них людей.

Затем все стихает. Сцена постепенно пустеет.

Последними остаются Герцог и Лоренцо.

Герцог *(задумчиво)*. «Нет повести печальнее на свете, чем повесть об Антонио и...» Нет, не рифмуется! «На свете нет печальнее картины, чем свадьба у... тарара... Розалины!» А так в размер не влезает! Странная какая-то история получилась, святой отец: ни в рифму, ни в размер!! *(Посмотрел на валяющиеся листы.)* Вы, я слышал, записываете все? Так вы уж постарайтесь, как-то изложите, чтоб повеселей!... Верона, все-таки... Карнавалы. Ну, сами понимаете... *(Уходит.)*

Лоренцо, оставшись один, собирает разбросанные листы, скрепляет их, затем берет перо, записывает...

В открытое окно кельи начинает вползать белое облако тумана...

Лоренцо.

«Их обнаженных в город увезли,
Чтобы предать хуле и поруганью!
Но тут, как говорят мне очевидцы,
Случилось чудо: пал туман на город!
Такой густой, что, право, в двух шагах
Протянутой руки не различить!...
Когда ж туман исчез, то вдруг открылось,
Что молодых никто и не видал!
Кто говорит: забила их родня!...
Кто говорит: Антонио – ловкач,
Сняв кандалы с себя и Розалины,
Бежал, потом уехал, да уплыл,
И жил с ней много лет в любви и счастье!...
Так или нет? Судить я не решаюсь...
Пишу всегда о том, что только точно знаю!...»

(Откладывает перо, обращается к публике.)

А про себя добавлю лишь одно:
Не стал я ждать суровых наказаний
От настоятеля... И за грехи свои,
За нарушенья таинств и обрядов
Себя от Божьей церкви отлучил!...

(Снимает монашеское одеяние. Под ним – яркий костюм Пьеро.)

И, угодив в актерскую семью,
Хожу с тех пор по городам и селам,
Рассказываю собственную повесть
Про карнавал... Верону... и чуму,
И про ЛЮБОВЬ,
Что дарит нам легенды!...

Туман заполняет всю сцену. Гремит музыка.

В клубах тумана то появляются, то скрываются участники представления в карнавальных масках.

«Карнавал в Вероне! Карнавал!
Пусть же никогда он не кончается!
Пусть глаза влюбленные встречаются,
Чтоб сразить друг друга наповал!...»

ЗАНАВЕС.